

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

СЕРГЕЙ ЗАЙЦЕВ
САНИТАРЫ

FUTURE CORP.

Метро

Сергей Зайцев

Санитары

«АСТ»

2011

Зайцев С.

Санитары / С. Зайцев — «АСТ», 2011 — (Метро)

ISBN 978-5-17-074252-3

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Никогда еще в Московском метро не проводилось столь широкомасштабной и тщательно законспирированной операции! Спецслужбы и руководство Ганзы, Полиса, Красной ветки и Четвертого Рейха всерьез озабочены появлением «быстрянки» – непонятного и смертельно опасного генного заболевания, за последний год зафиксированного на самых разных станциях. И хотя пока счет заболевшим идет лишь на десятки, проблема в другом: все они или умирают раньше, чем до них добираться медики, или бесследно исчезают. Есть подозрение, что это дело рук Санитаров – членов тайной организации, по каким-то причинам устраняющей или похищающей таких людей...

ISBN 978-5-17-074252-3

© Зайцев С., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

С других сторон	5
Пролог	6
Глава 1. Сверхурочная работа	16
Глава 2. Смех в темноте	24
Глава 3. Электрозаводская	30
Глава 4. Зачистка	35
Глава 5. Тревожная поездка	42
Глава 6. Странности продолжаются	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Зайцев

Метро 2033. Санитары

С других сторон

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Каким должен быть роман серии «Вселенная Метро 2033»?

Полным приключений? Обязательно – с элементами триллера? Фантастическим? С перестрелками и беготней? С чудовищами всех мастей? С городскими легендами и мифами метро? В какой пропорции мешать все эти ингредиенты, чтобы читатель непременно остался доволен?

Многие книги из нашей серии – такие. Приключенческие романы с молодыми героями, которые спасают своих близких и весь мир заодно, проходят через все метро – каждый в своем городе, – меняются к лучшему сами и меняют реальность, которая их окружает.

А если представить себе роман из «Вселенной Метро», герой которого вообще не покидает своей наглухо закупоренной станции и вместо этого всю книгу расследует убийства, которые совершает один из заточенных на ней людей? А если описать отношения мужчины и женщины, которые навсегда разделены одним перегоном и не могут быть вместе, потому что их станции враждуют? А представить себе театральную пьесу, герои которой живут на брошенном полустанке в окружении призраков любимых, которые погибли еще два десятилетия назад, в Катастрофе?

Я бы хотел прочитать и такие книги тоже.

Я не знаю, каким должен быть идеальный роман «Вселенной Метро». И я очень надеюсь, что чем больше новых, неожиданных авторов мы будем приглашать в наш проект, тем многограннее и живее будет становиться наша Вселенная. Ведь у каждого писателя – свои герои и свой сюжет, своя философия и своя истина.

Роман Сергея Зайцева «Санитары» дает нам возможность по-другому взглянуть на уже изученное, казалось бы, Московское метро. Пришел новый автор – и принес с собой новые тайны, новые драмы, свой стиль. Мир «Метро» узнается, но раскрывается вдруг с неожиданных сторон. И это хорошо. Это правильно.

Мне очень хочется, чтобы «Вселенная Метро 2033», которая хоть и заявлена как «проект», была проектом, прежде всего, творческим. И мы стараемся дать каждому автору как можно больше свободы, чтобы вместе со своим героем он сам проживал маленькую жизнь в метро. Чтобы вы ему верили и жили здесь вместе со всеми нами – теми, кто Вселенную создает.

Дмитрий Глуховский

Пролог

С этими библиотеками вечно проблемы.

Непонятно, почему они так привлекают самых разных тварей с поверхности, но факт остается фактом – от зданий, где когда-то хранились книги, лучше держаться как можно дальше. Потому что их нынешние «квартиранты» словно задались целью охранять знания, когда-то принадлежавшие человеку. Охранять не на жизнь, а на смерть... А здесь, в районе Боровицкой, куда ни ткни – то бывшая библиотека, то университет, то картинная галерея. Рассадник просветительской мысли. Рай для монстров.

Олег сдержал усмешку, осторожно выглянул из-за угла здания, медленно поводя стволом автомата. Грешно смеяться над могилой усопшей человеческой цивилизации.

Вот он, нужный перекресток.

Конечная точка маршрута находилась в угловом двухэтажном здании на пересечении Знаменки и Малого Знаменского переулка, так что поход в библиотеку не планировался. Но страх все равно стягивал кожу на спине и затылке ледяной коркой, стоило лишь бросить взгляд вдоль улицы, где в нескольких десятках метров впереди пряталось в глубоком мраке злополучное здание Библиотеки естественных наук.

Перекрестки всегда требуют повышенного внимания. Высоток в этих кварталах немного, в основном старинные здания, но застройка плотная, и, путешествуя по узким улицам, чувствуешь себя почти так же, как при переходах в туннелях метро. Почти уютно.

Затянутое облаками ночное небо прятало лунный полумесяц, так что приходилось рассчитывать на собственное зрение и на внимательность спутников. Один из них, Виталий Колотов по кличке Ворчун, был опытным сталкером, а второй – всего лишь стажер, совсем еще пацан. Олег даже его имени не запомнил.

Сейчас стажер, полуобернувшись, присматривал за тылом, держа «калаш» наготове. Хотя бы проблем по дороге эти двое не создавали. Интересно, откуда паренек? В Полисе, по разнарядке, проходили обучение на сталкеров большинство новичков со всего метро, независимо от политических взглядов своих мини-государств. Впрочем, неважно...

Бойко планировал сделать ходку до убежища, устроенного недалеко от Боровицкой в двухэтажке, в одиночку – были у него тут свои дела, требующие кое-каких исследований. Не вышло. Ворчун со своим стажером, как только увидел его возле шлюза, прицепился, как репей. Олег скривился под маской респиратора. Сам виноват. Нечего трепаться о находках.

Пару минут он постоял, впитывая в себя окружающее пространство – звуки, движение воздуха, запахи. Ворчун терпеливо ждал в двух шагах позади, присев на корточки и сгорбившись. В правой лапше – обрез дробовика, за широкой спиной над плечом торчит конец ломика. Самый натуральный, увесистый десятикилограммовый лом, но для габаритов владельца он – словно спичка. И инструмент, и оружие, против которого, как известно, нет приема... А еще эта его вечная дурацкая шуточка: «Знаешь, чем ломик лучше автомата? Патроны никогда не кончаются, гыгы-гы!» Можно только позавидовать силе этой сволочи.

Олег тихо ненавидел Колотова, но на территории Полиса, куда его и так пускали лишь как гостя, от его просьбы отмахнуться не смог. Пошлешь куда подальше, а в следующий раз пошлют тебя самого. И тогда к нужному месту придется искать обходные пути по поверхности с других станций, что чревато лишним риском. А еще Олег Бойко дико не любил, когда срываются планы. Надо поскорее отвязаться от этих двоих и заняться своими делами, а значит, шустренько довести до условленного места и распрощаться. Но в душе все сильнее ворочалось мерзкое ощущение, что сегодня все пойдет через пень-колоду.

Тишина в ночном городе – понятие относительное...

Слабый осенний ветер мел пожухлые листья по выщербленному асфальту, вздымал ленивые облачка пыли, сдувая ее с мусорных куч, разрастающихся под стенами зданий с каждым прошедшим после Катаклизма годом.

И среди всех этих шорохов так легко пропустить шорох крадущихся шагов...

Поздняя осень. Снег не за горами. Дыхание зимы уже чувствуется в воздухе, проникает холодным октябрьским воздухом сквозь фильтры респиратора. Мешковатый костюм химзащиты сковывает движения, но к этому сталкер давно привык. После частых многочасовых ходок рано или поздно перестаешь обращать внимание на мелкие неудобства, связанные с пребыванием на поверхности.

Особенно когда сама поверхность без устали напоминает, что от этого костюма, не меньше чем от оружия в руках, зависит твоя жизнь. В правом нагрудном карманчике разгрузки успокаивающе молчит дозиметр. Сгустившаяся вокруг тьма смотрит на трех человек, дерзко бродящих по ее владениям. Изучает тысячами глаз притаившихся где-то рядом невидимых существ.

Паранойя, верная спутница сталкера. Привычное дело.

Не оборачиваясь, Олег сделал знак рукой «вперед» и двинулся первым. Пересек шоссе, направился вдоль фасада здания к чернеющему проему единственного входа с улицы. Дверь, когда-то высокая, двустворчатая, измочалена в щепу – словно какой-то психопат разворотил в приступе необузданной ярости. А может, по зданию прогулялось какое-то огромное чудовище, круша все вокруг? Но о таких монстрах на Боровицкой сталкеру слышать не приходилось.

Олег прижал ладонь козырьком ко лбу, ткнул указательным пальцем перед собой: «Проверь». Ворчун поднес к стеклянным глазам защитной маски бинокль, несколько секунд смотрел, застыв словно изваяние. Успокаивающий знак рукой: «чисто».

Олег и сам отлично видел, что никакой опасности в подъезде нет, но не хотел выпендриваться. Одно дело на поверхности, там пробиваются хоть какие-то проблески с неба, пусть даже затянутого облаками. Можно списать на острое от природы ночное зрение. Но внутри зданий, особенно там, где отсутствуют окна, темнота более вязкая. Глухая. Страшная. Разглядеть там что-либо без фонарика или без ПНВ нереально.

А Олег Бойко видел.

Уже двинувшись дальше, он краем глаза заметил, как возле соседнего здания, метрах в пятидесяти, неожиданно нарисовалось несколько светлых пятнышек. Только что вокруг было абсолютно пусто, и вот появились гости... Точнее, хозяева этих мест. Гости на поверхности ночной Москвы – это люди.

Судя по небольшим размерам пятен – падалышки, кем-то в шутку прозванные дегустаторами, а потом сокращенные до дегов. Маленькие юркие твари размером с кошку, но повадками в собак. Сами по себе не опасны, с человеком предпочитают не сталкиваться. Но деги – поводыри. И с теми, кого они порой приводят, уже не стоит знакомиться ближе.

Сердце тревожно екнуло, и дурные предчувствия не замедлили подтвердиться.

Не медля, сталкер сбежал по лестнице, ведущей на полуподвальный этаж. Под ногами зашелестел мусор. Поворот. Очередная отсутствующая дверь. Работы для ломика сегодня, определенно, не найдется – все нараспашку. Очертания помещения терялись в темноте. Неожиданно вспыхнул луч света – чертыхнувшись, Олег едва успел зажмуриться: фонарик в руках Ворчуна вызвал резь в глазах, выжимая слезы. Вот неуправляемая скотина! Просил же заранее свет не зажигать...

Олег беспечно покосился на окна полуподвала, смотрящие на улицу вровень с тротуаром. Решетка, осколки стекол, налипший мусор. Возможно, никто не заметит. Но кто знает...

– Бойко! Уверен, что привел куда нужно? – Колотов, словно дразня Олега с его страхами, отстегнул маску, открыв крупную грубоватую физиономию под капюшоном.

Его низкий бас легко заполнил подвал, и Олегу нестерпимо захотелось врезать напарничку по зубам. Просто чтобы разрядить раздражение, с самого выхода на поверхность копившееся в душе шершавым ватным комом, мешавшим дышать. Только в ответ Ворчучело, скорее всего, просто размажет его по стенке.

Насколько же проще ходить в одиночку, не подстраиваясь под чужие привычки!

В этом здании когда-то размещалась типография, а подвал, видимо, использовался как склад. Кругом разбитые стеллажи, сопревшие груды бумажного мусора высотой по колено, истлевшие тюки с когда-то чистой бумагой, а теперь – с трухой, рассыпавшейся от любого движения воздуха. Сломанные стулья и столы – будущая пища для костров или пожаров. Зашелкал дозиметр – медленно, лениво, словно нехотя. Хлам был самую малость радиоактивен. Неопасно.

– Здесь, – Олег ткнул рукой в огромную грудку прелой бумаги в углу.

– Уверен?

– Тебя заело, Ворчунидзе? Давай быстрее, – глухо прошипел Олег. Маска искажала голос, делала его неузнаваемым.

– Так, Димка, смотри за входом, – бросил Колотов стажеру.

Тот сразу присел на корточки, положил «калаш» на колени и уставился стеклами маски в сторону дверного проема, ведущего на лестницу. Дрессированная собачка, молча и беспрекословно выполняющая приказы хозяина. Олег только сейчас сообразил, что так ни разу и не слышал голоса мальчика. Ну, хотя бы имя узнал.

Подсвечивая фонариком путь, массивная фигура Ворчуна двинулась в угол. Ноги сталкера по щиколотку зарылись в мусор, при каждом шаге вздымая тучу мелкой пыли. Надо быть идиотом, чтобы дышать этой гадостью. Колотов, словно услышав мысли Олега, снова прикрыл лицо маской.

На грудке мусора, будто охраняя ее содержимое от посягательства гостей, аккуратно лежали рядом друг с другом два скелета. По расположению полуистлевших лохмотьев на голых костях еще можно было угадать, что когда-то эти двое были мужчиной и женщиной. Работники типографии? Просто семейная пара, заскочившая в подвал в момент Катаклизма да так и оставшаяся здесь навсегда? А может, случайные люди, попавшие сюда уже значительно позже Катаклизма? Подранки, заползшие в тихое местечко умирать от пожирающей их плоть радиации?

– Оригинально, – проворчал Ворчун. – Сам придумал? Прямо Ромео и Джульетта...

– Надо же было как-то отметить, – Олег пожал плечами, хотя затылком здоровяк его все равно не видел.

– Что, прямо под ними?

– Надеюсь, ты не собираешься донимать меня своими тупыми вопросами до самого рассвета?

– Полегче на поворотах, Натуралист.

Под этим прозвищем Олега Бойко знали в Ганзе, но полностью его редко кто произносил. Изошрялись по-всякому: Натурал, Натура, иногда даже, с какого-то перепугу, – НАТО. Последний вариант нередко сопровождался уроком вежливости. Худощавому и невысокому Олегу было далеко до могучей комплекции Ворчуна, но все же при необходимости он умел становиться ловким и подвижным, как ртуть. Язык силы для самых недалеких типов всегда понятнее любых уговоров и увещаний – аргументы в виде выбитых зубов действуют безотказно.

Коротким стволом обреза Ворчун небрежно спихнул скелеты в сторону, поворошил в бумаге. Раздался глухой металлический лязг. Несколько размашистых движений, и показался острый угол металлической печурки-«буржуйки». Колотов отгреб ногой мусор на полу. «Буржуйка» оказалась очень компактной: торец с дверцей сорок на тридцать сантиметров, длина

около полуметра, короткие ножки и короткий обрез дымохода сверху. Несмотря на древний возраст, выглядела печь почти новой.

Ворчун глухо рассмеялся, словно не веря своим глазам.

– Бред! Что она здесь делает? Они тут что, собирались лишней бумагой здание отапливать?

– Чья-то заначка. От таких, как мы. Сам знаешь, закрытая дверь – все равно что вход в пещеру Аладдина с неоновой вывеской «открой меня!». А здесь все разбито, заглядывать нечего.

– Надо же! Сколько здесь шастаю, все улицы и подвалы как свои подштанники знаю, а сюда так ни разу и не заглянул. Кстати, а как ты нашел эту хреновину, Натурал?

– Прятался от назойливого внимания.

– Да нет, я имею в виду, как ты здесь оказался? Тебе что, станций Ганзы не хватает для бродяжничества?

– Тебя это не касается, Ворчучело. Просил показать, где печь, – я показал.

Колотов нагнулся и легко приподнял железный короб за край.

– Класс! Легкая, кило пятнадцать всего. То, что доктор прописал. Допрем и не заметим.

– Не обольщайся. Я обещал только показать, тащить будешь сам. Пусть тебе стажер помогает.

– А тебя никто не просит. Ну-ка, держи, – обернувшись, Ворчун неожиданно кинул Олегу свой дробовик. Убедившись, что тот, выпустив закачавшийся на ремне автомат, ловко поймал оружие, здоровяк хмыкнул: – А не врут люди, в темноте видишь, словно кошка.

– Хорошее ночное зрение, – буркнул Олег. – Наследственное.

– Да мне по барабану, будь ты хоть мутантом. Лишь бы для пользы дела. Сам я буду чуток занят, как ты понимаешь, а оружие в опытных руках по любому лучше, чем на полу. Так что смотри за нас обоих.

Колотов скинул со спины рюкзак с пристегнутым ломиком, опустился на корточки, достал заранее приготовленные брезентовые ремни и взялся споро обвязывать «буржуйку», сооружая переноску.

Олег выдохнул сквозь зубы. Замечание Ворчуна резануло по нервам, словно бритвой по едва затянувшейся ране. «Сам ты мутант... И до Катаклизма было полно людей, обладавших от природы хорошим ночным зрением». Он встряхнул головой, прогоняя злость. И тут же высокая кипа истлевшей бумаги, подпиравшая стену рядом, словно выбрав самый подходящий момент, с шелестом сползла к его ногам.

У напарника оказался неожиданно острый слух и мгновенная реакция – луч фонарика тут же вспыхнул, высветив Олега на фоне стены, и снова больно ударил по глазам.

– Убери свет! – прошипел Олег.

Фонарик тут же погас, Ворчун деловито вернулся к своей печке и с таким снисходительным пренебрежением бросил через плечо:

– Не шурши, Олежек. Не отрывай от дела.

«Олежек»! Звучит еще хуже, чем «НАТО». Бойко присел и подобрал один из журналов, вывалившихся под ноги из кипы. Хотя вспышка света длилась всего секунду, ему пришлось невольно смотреть вниз, прикрываясь от света рукавом плаща, так что разглядеть обложку он успел.

Альманах «Полдень. XXI век» за 2010 год. На облезлой обложке с аляповатым рисунком с трудом угадывались контуры лошади с комками какой-то белесой дряни на спине. Грибы, что ли? Конь с грибами. Пророчество судного дня, мать его. Вот уж кто мутант на самом деле...

«А может, – вдруг подумал Олег, глядя на рассыпающиеся в пальцах, затянутых в перчатку, страницы журнала, – может, сами книги и виноваты во всем? Может, опаленные разрушительной силой атомных взрывов двадцатилетней давности, они и породили всех этих

монстров, особенно всякая там фантастика, триллеры, и прочая дребедень? А разрушение реального мира только материализовало образы, запечатленные на страницах?» В этом предположении не больше сумасшествия, чем во всей этой литературе. А по сравнению с безумием, царившим теперь вокруг, его личное безумие – это такой пустяк...

Брезгливо встряхнув кистью, он снова поднялся. Широкая спина Колотова полностью скрывала буржуйку, с которой он возился. Чужой обрез, уютно лежавший в ладони, жег пальцы. Олег приподнял ствол, чувствуя отраженное тепло курка даже сквозь ткань перчатки. Если пальнуть между лопаток, то будет дыра с кулак. Ворчун хвастался, что лично начинал свои патроны картечью из рубленой стальной проволоки и что по разрушительному действию они круче тех, что изготавливаются у оружейников на Бауманской.

Это ведь так просто – нажать на курок. Тем более, что на поверхности может случиться всякое. Твари обглодают труп stalkера раньше, чем до него доберутся желающие проверить, от чего он погиб на самом деле. Если вообще такие желающие найдутся. Лишний раз гулять по поверхности опасно, а специально идти туда, где кто-то уже погиб, – опасно вдвойне. Ведь сам можешь стать следующим...

И стажер ничего сделать не успеет.

Вот именно. Стажер. Свидетель. Парень-то ни в чем не виноват...

– Целься сразу в затылок.

– Что? – Олег вздрогнул.

– В затылок, говорю, – спокойно повторил Ворчун, не оборачиваясь и продолжая деловито возиться с ремнями. – Броньку на спине можешь и не пробить. А если в башку, то снесешь начисто. Бац, и готов. Или ты хочешь, чтобы я как следует помучился?

– Да пошел ты!

– Ты сам-то хоть понял, почему она ушла от тебя ко мне?

– Меня это давно не интересует.

– Если бы не интересовало, ты бы не прожигал меня взглядом. Красивая женщина, Олег, она как дорогая вещь, требующая надлежащего ухода. А такой уход ты организовать не способен. Женщине нужна стабильность. А ты – бродяга. Со всеми вытекающими.

– Зато ты, смотрю, корячишься изо всех сил.

– Точно. Корячусь. – Ворчун коротко и басовито хохотнул. – И рассчитываю на полноценную отдачу. В тепле и уюте, на мягкой постельке, а самое главное – верхом на бабе...

– Заткнись, Ворчунидзе.

Колотов наконец закончил священнодействовать, и его массивная фигура выпрямилась во весь рост. Сперва он закинул на спину рюкзак, а уже сверху легко, словно та ничего не весила, закинул «буржуйку» и надежно затянул ремни на груди. Подпрыгнул, проверяя. Что-то едва слышно лязгнуло.

– Дверцу слабо закрепил, – озабоченно бросил Ворчун. – Ладно, надеюсь, прыгать не придется, а шагом слышно не будет. Топаем обратно, стажер, прогулка закончена. Считай, что зачет сдал.

Силуэт stalkера Полиса слабо светился в темноте – тепло его тела пробивалось сквозь защитный костюм. Особенно ярко выделялись на общем фоне глаза и участки кожи вокруг них под стеклами противогаза. Олег сам по себе был тепловизором. Возможно, именно поэтому до сих пор оставался цел, путешествуя по поверхности в одиночку. Тяжелый взгляд напарника остановился на лице Бойко, и ему вдруг подумалось, что и сам Ворчун видит в темноте ничуть не хуже.

– Дурак ты, Натуралист, – без всякого перехода вдруг продолжил Колотов. – Столько времени прошло, а все замену Ксюхе не можешь найти. Неужто такая неразрешимая проблема? Я вот все это время бабу не искал. Я ею наслаждался, – глухой издевательский смех.

– Сука ты, Ворчунидзе.

– Ладно, не ссы, шучу я. Парень ты неплохой, просто губошлеп изрядный. Но и губошлепы обществу нужны... Все, двигаем обратно. Ксюха пожелала печурку, а удовлетворение ее желаний для меня закон. Абсолютный приоритет после удовлетворения самой Ксюхи...

Теперь Колотов говорил с каким-то злым надрывом. Словно... Олега неожиданно осе-нило. Он и в самом деле не просто так к нему прицепился, как только увидел на станции.

– Неужто от тебя она тоже ушла, Ворчунидзе?

Бойко ощутил всплеск злорадства, впрочем сразу утихший. И сразу пришло странное облегчение, словно наконец-то вскрылся старый нарыв, вынося из души скопившуюся горечь. Ненависть к Ворчуну, которую он носил все это время внутри, как-то безболезненно перегорела. Даже как-то пусто стало внутри. И еще более одиноко, чем раньше, словно эта ненависть придавала ему сил, давала смысл жизни... Хватит! Все это он уже пережил. И прежней болезненной, сводящей с ума остроты не нужно.

Здоровяк медленно подошел ближе, остановился напротив Олега в двух шагах, поигрывая невесть как очутившимся в руке ломиком. Зябкий холодок прокатился по позвоночнику. Олег по неволе напрягся, прикидывая, что лучше – увернуться, когда тот ударит, или нанести удар первым, попросту пристрелив эту сволочь. Но страх тут же отпустил. Потому что Натуралист понял вдруг, что нет, не это нужно Колотову. Не полезет он драться.

– И откуда ты взялся на мою голову, – глухо пробурчал Ворчун. – Нет. Не ушла. Но забыть тебя почему-то никак не может. Примешь ее обратно, Олежек, если она решит вернуться к тебе?

Олег сдержал невольную усмешку, хотя под маской напарник вряд ли бы что заметил. Разве что по глазам. Они часто выдают. А потом привыкнешь вот так кривляться под маской, глядишь, и без нее не удержишься. Обидишь кого-нибудь или оскорбишь ненароком гримасой. Так что лучше держать чувства в узде. Всегда.

Три года назад они вместе с Колотовым работали в Калининской Конфедерации, даже считались друзьями. Олег жил со своей женой, как ему казалось, душа в душу, и никогда особо не задумывался, что что-то может пойти не так. Ксюша ни на что не жаловалась, хлопотала по хозяйству, терпеливо дожидаясь его с вылазок. У них была отдельная добротная палатка и относительно привилегированное положение. А потом дорожки вдруг резко разошлись. Знакомый из Полиса перетащил Виталия к себе, воспитывать подрастающую молодежь – у Ворчуна оказались задатки к такой работе. Ксения ушла к приятелю мужа без всякого предупреждения. А тот ее принял, и Олег до сих пор не мог оправиться от такого предательского удара сразу двоих близких ему людей. Злость и обида в душе тлели, не находя выхода. Уже задним числом, значительно позже, он вспомнил все детали, все неувязки в их поведении – то есть то, на что предпочитал закрывать глаза, пока все было «нормально». И осознал, что был нужен Ксении лишь до тех пор, пока у нее не появился вариант защитника получше. Были ли вообще между ними хоть какие-то искренние чувства? Черт его знает. Но именно с тех пор Натуралист стал крайне подозрителен к людям. И больше никогда не верил в «случайные совпадения».

Ирония судьбы – через месяц после ухода обстоятельства сложились так, что и сам Олег попал на работу в богатую и влиятельную Ганзу, сообщество кольцевых станций. Ксения как-то об этом узнала и стала проситься обратно. Но Олег так и не смог простить, что он для нее не тот самый, единственный, какой была она для него, а всего лишь один из многих. Ступенька стабильности, как выразился Ворчун.

Получается, Колотов об этом не знал. Не знал, что подруга уже пыталась кинуть его так же, как до этого Олега, – лишь только узнала, что «бывший» переехал в Ганзу. Никак Ксюша не уgomонится. Никак не поумнеет. Хорошо хоть, не все женщины такие... беспардонно расчетливые. Это Олег знал совершенно точно. Ему просто не повезло. Что ж, бывает. Мир и после этого вертится дальше. Только вот горечь еще долго отравляет жизнь и мешает решиться на новые отношения...

– На мой счет можешь не беспокоиться, – холодно ответил Олег. – Именно это ты и хотел выяснить?

– Ну да, – сталкер как-то неловко хмыкнул. – С глазу на глаз. По-мужски.

– Тогда не надо было пацана брать.

Оба одновременно повернули головы к стажеру, который поневоле прислушивался к разговору.

– А что пацан? Уже не маленький...

– Он у тебя, кстати, вообще разговаривает?

– Не-а. Димка немой. Зато язык жестов знает на «отлично». Идеальный сталкер.

– А какого хрена тебе тогда печь понадобилась?

– Не бросать же ценную вещь, – Ворчун снова хмыкнул. «Дурацкая привычка. Перхает в свою маску, как чахоточный». – Да и предлог хороший. Кроме того, Олежек, о домашнем уюте следует заботиться заранее, а на ошибках – учиться. Потому что ученье – свет, а неученье...

Неожиданно Колотов со всей силы толкнул Олега в грудь пятерней. Тот отлетел назад, словно мяч от удара бутсы, и сшиб плечом утробно вкнутвшего стажера. Оба рухнули на пол. Уже падая, Натуралист успел заметить, как здоровяк, резко развернувшись, швыряет в сторону входа ломик, словно копье. Вязкий ночной воздух всколыхнул пронзительный визг и клекот, но почти тут же оборвался.

Олег судорожно вынырнул из груды разъезжающейся под ногами и руками бумаги, вскочил, готовый стрелять. Не понадобилось. Пригвожденная к стене ломом, тварь уже сдохла – стальной конец «инструмента» торчал из обтянутой костяным панцирем груди. Длинная шея шилоклюва обмякла, метровое костяное острие на морде уткнулось в пол. По клюву ручейком сбегала кровь, вытекая из горла, – легкие и сердце твари оказались пробиты. Рудиментарные крылья шилоклюва судорожно подергивались в агонии, мощные лапы скребли когтями по замусоренному бетону. «Это с какой же силой надо метнуть, чтобы воткнуть железо в бетон», – мелькнула у Натуралиста ошалелая мысль. Сердце от прилива адреналина билось, как сумасшедшее, руки дрожали.

Ворчун небрежным тычком отодвинул с пути вскочившего стажера, который, вскинув автомат, очумело вертел головой, пытаясь сообразить, что случилось.

– Подвел ты нас, Димка, – резко бросил Ворчун. – Я тебе что говорил? Смотри за выходом! А ты?!

В два широких шага выбравшись на площадку перед лестницей, Колотов со скрежетом выдрал свой драгоценный лом из стены. Туша шилоклюва грузно плюхнулась на пол, расплескивая вязкие брызги крови из уже набежавшей лужи. Затем Ворчун выхватил из руки Олега свой дробовик и бросился вверх по лестнице, едва не задевая высоко торчащим горбом «буржуйки» за свод лестничного пролета.

Дальше началось веселье.

Едва они высунулись из подъезда, как из-под ног во все стороны порскнула стайка дегов. Сорванный со спины автомат ходил в руках ходуном от резкого всплеска адреналина, но стоило наметить цель, и сразу пришло привычное спокойствие. Грохот выстрелов рванул тишину в клочья, разбрасывая по мертвым улицам безумно мечущееся эхо. Несколько дегов задержались, вбитые в асфальт пулями.

Именно из-за грохота стрельбы Олег слышал нарастающий цокот за спиной буквально в последнее мгновение.

Излюбленная тактика шилоклювов – разгоняться до безумной скорости по прямой. Благо улица позволяла, здесь почти не было ржавых остовов машин, и твари даже не пришлось лавировать. Впрочем, на разгон шилоклюву много не надо, хватит и нескольких метров. Попробуй остановить тушу размером с пони, которая несется на тебя со скоростью под сотню километров в час. Не стоило и пытаться.

Предостерегающе крикнув Ворчуну, который уже рванул в направлении станции, Олег стремительно развернулся, приседая и уходя на шаг в сторону. Вскинул автомат.

Не успел. Слишком быстро.

Светящийся силуэт промахнувшегося монстра пронесся мимо вплотную, обдав жаром и вонью разгоряченного тела, а голенастая лапа чиркнула по плечу с такой силой, что Натуралиста швырнуло на асфальт. Уже лежа, он выхватил взглядом, как Ворчун, даже не пытаясь увернуться или встретить несущуюся смерть залпом из дробовика, просто присел. Раздался глухой удар, и переплетенные тела покатались по дороге, поднимая тучи мусора. Вскочив, Олег в два прыжка оказался рядом, воткнул ствол автомата в жилистую шею дергающейся твари и дал короткую очередь. Шурша жесткими окостеневшими перьями, туша покатила в сторону, а клюв с башкой остался торчать в «буржуйке», привязанной к спине Ворчуна. Быстро же Колотов сообразил, чем прикрыться в последний момент!

«Что-то не так. Где стажер?» Олег завертел головой. Оказывается, паренек стоял всего в двух шагах, суетливо пытаясь перезарядить заклинивший автомат. Какого черта? Он что, перед выходом не проверил? Некогда нянчиться!

Натуралист схватил Ворчуна за плечо, но тот уже и сам выпрямился, помогая себе локтем вместо костыля. Глухо звякнул асфальт, раскрошившись под острием. Сталкер покачнулся, восстанавливая равновесие, перехватил дробовик. Бросил взгляд на обезглавленную тушу шилоклюва. Выругался.

– Цел? Бежать можешь? – Олег беспокойно глянул по сторонам. Вроде чисто. Свечение трупов уже начинало меркнуть, а новых светлых пятен он не заметил. Деги разбежались, шилоклюв сдох. Но задерживаться не стоило.

– Да! – тяжело выдохнул Колотов. – Выдерни башку. Запах крови...

– Помоги себе сам, – сквозь зубы процедил Олег. При одной мысли, что нужно прикоснуться к этой твари, его передернуло от омерзения. – Все, убираемся отсюда. Стажер, оставь автомат в покое, ходу!

«Квиты, – подумал он, переходя на бег трусцой. – А в крови мы и так изгваздались. Хуже уже не будет».

Нужно было убираться отсюда как можно быстрее. Потревоженная шумом округа обязательно привлечет нежелательное внимание другого зверья. Ворчун это тоже отлично понимал, поэтому молча пытел сзади с дурацким грузом на спине. Впрочем, печурка спасла ему жизнь. Уржаться, если подумать. Только расслабляться пока рано. А стажер тоже хорош, то увлекся чужим разговором и проморгал появление шилоклюва, то не смог выстрелить в нужную минуту. Бракованный у Ворчуна пацан какой-то, недоучка...

Хотя появление на запах крови стигматов, о которых наверняка подумал Ворчун, маловероятно, но и сами шилоклювы – не подарок. Особенно если учесть, что они-то и выжили стигматов отсюда года полтора назад, причем выжили основательно.

Вообще, смена популяций самых разных монстров происходила регулярно. Рано или поздно всегда появлялось нечто новенькое, вытесняя уже привычную фауну. И людям пришлось приспособливаться заново, изучая повадки и характерные особенности новых «хозяев жизни». Именно для этого Ганза и переманила Бойко под свое крыло, узнав о пытливом и наблюдательном уме Натуралиста. Такие люди везде нужны. Взять тех же дегов – крайне робкие, эти твари почти не попадались на глаза. В нападении на людей, да и на каких-либо других животных, замечены так и не были. Но Олег знал об этих зверьках немного больше, чем остальные. Например то, что у шилоклювов имелись серьезные недостатки – недоразвитое зрение и обоняние, и дегустаторы выискивали опасным хищникам дичь, а взамен пользовались покровительством могучих созданий.

Довольно быстро и без помех они проскочили квартал по Знаменке. Затем дома, тесно сжимавшие улицу, расступились, и Олег замедлил шаг, а потом и вовсе остановился, прислу-

шиваясь к окружающим звукам ночи. Жест рукой Ворчуну, следовавшему сзади: «стой!». Впереди распахнулось продуваемое всеми ветрами пространство Боровицкой площади. Проклятое местечко. Множество нехороших слухов ходило о Боровицкой площади, и, как водится, свидетелей не сыщешь. Пересекать ее рекомендовалось только в том случае, если ты решил покончить жизнь самоубийством. Славу богу, этого не требовалось – троице нужно было просто свернуть на Моховую и добраться до входа в метро, а непотревоженная площадь останется справа. У Олега, кстати, насчет происхождения подобных слухов о площади имелись свои мысли. Все просто: открытое пространство. Охотничий рай для крылатых бестий – вичух, хозяйничающих в небе в дневное время, а изредка и в ночное, если потревожить их сон. Но проверять свои догадки лично Натуралист не собирался. Пусть лучше слухи остаются слухами, а он еще поживет... – Ты думаешь, мне так просто стоять с этой хреню на горбу? Там нет никого, – раздраженно бросил Ворчун, отдышавшись и воспользовавшись заминкой. – Ты зачем стрелял в дегов? Патроны девать некуда? – А шилокловов кто притащил, по-твоему? – Олежек, у нас и так жизнь не сахар, незачем все усложнять беспочвенными фантазиями. Я не меньше твоего на поверхности.

Вечная история. Думать об этом без иронии сложно, но доказывать свою правоту спутнику Олег не собирался. Его теориям многие не верили, зато когда оные все-таки подтверждались и знания наконец устаканивались в головах сталкеров, многие начинали себя мнить знаатоками и первооткрывателями. Смешно...

– Здесь моя территория, Ворчунидзе. Мне лучше знать.

– Твоя территория? – переспросил Колотов так, словно ослышался. – Ты что, в каком-то своем мире живешь, губошлеп?

– Лучше поверь мне на слово и сам не усложняй... тихо!

Олег замер. Нет, показалось. Будто бы впереди шевельнулась гигантская тень на уровне второго этажа здания впереди. До входа в метро всего двести метров. Лучше уж без сюрпризов... Да уж, ходка сегодня откровенно сорвалась, придется на следующую ночь попытаться еще раз. И любому, кто снова будет набиваться на экскурсию, придется дать в морду, невзирая на последствия.

Ворчун, устав ждать, выругался под нос, обогнул Олега и двинулся вперед. Стажер торопливо двинулся следом за наставником. Пожав плечами, Натуралист потянулся за ними, не забывая внимательно просеивать пространство по сторонам взглядом. За свою жизнь пусть каждый отвечает сам.

Внезапно стало трудно дышать. Резко, без всякого перехода. Перед глазами потемнело. Олег споткнулся на ровном месте и захрипел, не в силах вдохнуть. словно невидимая рука вцепилась сзади в шею, обхватывая горло длинными цепкими пальцами.

Олег напрягался изо всех сил, но железная хватка, не позволяя сойти с места, гнула его к асфальту. Кровь бросилась в голову. Он побагровел от натуги, пытаясь крикнуть, и с бессильным отчаянием смотрел, как фигуры спутников растворяются впереди в темноте, уходят от него. Палец судорожно дернул за спусковой крючок автомата, но сил не хватило даже дожать, выстрелить, предупредить – мышцы охватил странный паралич...

И тут же темноту разорвала автоматная очередь. Одновременно коротко и мощно жакнул дробовик, рассыпая яркий сноп искр. Ворчун со стажером, все-таки отреагировав, палили куда-то вверх, над ним. Яркие и почему-то бесшумные вспышки ослепили Олега, сгибавшая в дугу хватка на миг ослабла, но тут же страшная сила рванула его вверх. От рывка хрустнула шея, а перед глазами багрово вспыхнуло. Натуралист почувствовал, что отрывается от земли. Миг – и безжалостный удар о стену здания прервал его полет. Тело мешком рухнуло на асфальт. Оглушенный, уже не чувствуя боли от накатившего шока, Олег судорожно ворочался на груде мусора, пытаясь сломанной рукой подтянуть к груди автомат, который так и не выпустил из рук, но у него это почему-то не получалось. Неожиданно зрение сталкера резко, болез-

ненно обострилось, и он увидел. Неведомый охотник поджидал их возвращения на уровне второго этажа, зацепившись длинными могучими лапами за проемы окон и края крыш. Олег с трудом разглядел слабо светящиеся контуры гигантской туши, перекрывшей все небо между зданий. А затем неведомая тварь ринулась вперед, со скрежетом выдирая куски бетона и кирпича множеством лап и ломая оконные рамы. Обдав сильным порывом ветра, поднявшим тучу пыли, она пронеслась над Олегом, в сторону Ворчуна со стажером, послышался глухой удар, и пальба их крохотного отряда захлебнулась.

Но только на миг.

Тугая вспышка подствольной гранаты разорвала тьму, осветив гротескную картину – огромного монстра, нависшего над одинокой маленькой фигуркой стажера, оставшегося без наставника. Сталкер услышал пронзительный мальчишеский крик, инстинктивно рванулся на помощь, но именно в этот момент искалеченное тело предало его, и сознание Олега померкло.

Глава 1. Сверхурочная работа

– Эй, пацан, уснул, что ли? Замерзнешь, блин, просыпайся!

Димка вздрогнул, распахнул глаза, тут же зажмурился. Спросонья в глаза ударил ослепительно яркий свет лампочки, закрепленной на высоте роста на грубо сложенной кирпичной перегородке. От кошмара, из которого он только что вынырнул, сердце колотилось, как бешеное. Он глубоко, прерывисто вздохнул и выдохнул, словно выпуская весь скопившийся в душе страх, выпрямился на табуретке возле стены, а потом глянул на Федора. Тот деловито выбивал из очередной гильзы, зажатой в пресс-станке, использованный капсюль. Каждый раз, поправляя указательным пальцем старенькие очки, все время норовившие слезть на кончик носа, он бросал на напарника насмешливо-озабоченный взгляд.

– Говорил же, нечего тут торчать. Давно бы уже дрых по всем правилам, без задних ног. Так нет же, сидишь, как попугай.

Федор Кротов был невысокий круглолицый крепыш с коротким ежиком темных волос, обладавший легким, незлобивым характером, любитель пошутить и посмеяться. Несмотря на то что в прошлом месяце ему стукнуло тридцать пять, голос Федора был совершенно мальчишеским. Если отвернуться, запросто можно подумать, что говоришь с подростком или парнем чуть постарше, таким же, как сам Димка, которому на днях исполнится восемнадцать... Димка горько усмехнулся. Не подросток, да. Но и не мужчина. Как был никем, так и остался. Они находились в слесарке – небольшом, выгороженном кирпичом от общего цехового зала помещении два на два метра, куда заглянули после очередного челночного рейса. Протопав пешком от Курской и порядком устав, Димка и Федор вернулись на родную Бауманскую уже поздно, когда рабочая смена закончилась и люди отправились отдыхать до следующего утра. Поэтому сейчас здесь было относительно тихо – гул голосов от жилых помещений растворялся снаружи, за кирпичными стенами, и самые громкие звуки доносились от станка, возле которого возился Кротов. Металлические постукивания, шорох вращения хорошо смазанных зажимов, скрип направляющих прессы...

Слесарку приспособили для ремонта на скорую руку разных текущих мелочей. Необходимый минимум оборудования – небольшие токарный и точильный станки, массивный верстак, сваренный из кусков рельс, масса стареньких, но годных для использования инструментов, заботливо развешанных по стенам. Запасливый Федор решил перед сном снарядить пару десятков патронов для своей древней и порядком изношенной, но все еще исправной гладкостволки «Рысь-К», благо все необходимое оборудование и материалы здесь, на Бауманской, имелись. А Димка, по укоренившейся привычке, увязался следом. Он не любил оставаться наедине с давно и прочно поселившимися в душе мрачными мыслями и не хотел переться в общую для них двоих палатку без напарника. Все-таки рядом с Федором находиться всегда как-то легче... Слесарка, естественно, предназначалась только для своих, бауманцев. Чужакам даже в цеху делать нечего, и никто их туда не пустит. Для гостей есть отдельные помещения возле эскалатора – обычные палатки. Впрочем, и материалы для снаряжения патронов – страшно дефицитные порох и капсюли, чуть менее дефицитная дробь и пыжи – выдавались под расписку так же, как и готовые патроны. И за все приходилось отчитываться. С дробью дело обстояло проще, чем с порохом, – аккумуляторов в брошенных машинах на поверхности Москвы все еще хватало, хотя, конечно, их число значительно поуменьшилось со дня Катаклизма, а многие за прошедшие годы просто превратились в труху. И все же «бедный», плохонький аккумулятор еще мог дать сырья хотя бы граммов на пятьсот, а у некоторых зажиточных «собратьев» получалось выжать и до трех килограммов. Свинец нужно было лишь извлечь, что на Бауманке научились делать давно и с размахом. А свинец – это дробь, картечь, пули. Материал жизненно необходимый. Ушлый Федор всегда держал заначку на черный день,

причем часть материалов он всегда таскал с собой в рюкзаке, а остальное лежало до лучших времен в палатке.

Димка помассировал лицо пальцами левой руки, разминая затекшие мышцы. Отчего-то стало зябко. Поежившись, он неуклюже запахнул на груди поплотнее старенькую камуфляжную куртку. Конечно, в не отапливаемом двадцать лет метро воздух всегда влажный и прохладный, но к этому все давно привыкли. Дело в другом, во сне температура человеческого тела всегда понижается, отсюда и ощущение холода, когда просыпаешься...

Во сне. Сон. Эта проблема была для Димки очень личной.

Опять этот чертов кошмар. Стоит задремать, и сразу наваливается вязкая темнота поверхности. Одиночество и ужас, притаившийся вокруг, смотрящий на него тысячами невидимых злобных глаз. Когда он в последний раз спал нормально? Риторический вопрос. Год назад. С той самой вылазки, стоившей ему будущего.

Димка снова, наверное, в сотый раз за последнюю неделю, поднял к лицу правую руку, пытаясь с каким-то омертвелым безразличием рассматривать покалеченную кисть. Дыхание против воли сбилось, и он мысленно выругался. Ведь каждый раз обещает себе, что не будет специально смотреть на ЭТО, и все равно с маниакальным упрямством пялится снова и снова. Словно вдруг случится чудо, и все, что произошло год назад, развеется как кошмарный сон, а рука станет прежней.

Не станет.

Потому что вместо двух пальцев – указательного и среднего – пустота. К этому не привыкнуть. Не смириться. Хотя внешне он давно научился не подавать виду и не замечать свою ущербность на людях, внутри всегда звенела напряженная струнка. И это напряжение, наверное, уже не отпустит его никогда. Осколок от взорвавшейся вблизи подствольной гранаты на всю жизнь превратил молодого парня, только начинающего жить, в калеку – начисто, по нижние фаланги, срезал два пальца. А безымянный и мизинец почти не сгибались из-за поврежденных сухожилий на ладони. За год жуткие раны зажили, превратив руку в уродливую клешню. А сам Димка, мечтавший стать сталкером, навсегда остался Стажером – насмешливая кличка прилипла намертво, превратившись во второе, ненавистное имя. Имя, похоронившее все его юношеские мечты...

– Упрям ты, братец! – Федор плавно, привычным движением, нажал на рычаг, дожимая капсуль в гнездо гильзы направляющей пресс-станка. Снял гильзу, вручную досыпал стальной меркой-колпачком порцию пороха (механический дозатор на старенькой «Lee» давно барахлил), вставил картонный пыж. Утрамбовывая, снова дождал на станке, насыпал дробь. В два приема завальцевал на том же станке края картонного патрона в «звездочку». Извлек, полюбовался работой, довольно подкинул в ладони и отложил к уже десятку готовых. Затем взялся за следующую гильзу. За долгие годы работы движения его были отработаны до автоматизма. Димка с застарелой горечью подумал, что когда-то и он справлялся не хуже, пока вдруг не стал неуклюжим. Ненужным.

– Чего молчишь? Опять хандра напала?

– Голова болит, – соврал парень, просто чтобы Федор отвязался с расспросами.

– Ну, раз болит, значит, она есть. Я тебе сколько раз говорил: жизнь это праздник, но не всегда твой. А за черной полосой рано или поздно наступает белая. Просто поверь и держи хвост пистолетом, а то с твоей унылой физиономии меня уже самого пробирать начинает на нехорошие мысли. Выглядишь как мутант с Филевской, у которого только что отобрали последнюю пайку.

Дима вздрогнул и зло ощерился, словно крысеныш, загнанный в угол, но тут же спохватился, заставив себя успокоиться. Сравнение с мутантами больно резануло по душе. Ведь это все из-за них! Паскудных тварей с поверхности, исчадий ада, заполонивших все жизненное пространство над метро, а теперь рвавшихся сюда, к людям! Но Федор ведь не со зла. Он

такими шуточками каждый день сыплет, не особо задумываясь над смыслом. И уж тем более никого не старается задеть побольнее.

– Федь, а Федь, – тихо вздохнул Димка, – не надоело тебе эту избитую фигню пороть? Каждый день слышу одно и то же.

– А почему нет? Так жить веселее. И потом, народ это любит. Я в любой компании желанный гость. – Федор заговорщицки подмигнул из-под блеснувших при движении стекол очков. – Вот скажи, что для нас с тобой, челноков, главное? Правильно, вызвать собеседника на разговор, спровоцировать на реакцию, что я и сделал. Так что моя метода работает, Димон.

– Язык у тебя работает, а не метода, – невольно улыбнулся парень. Затем выудил из под-сумка на поясе флягу и сделал пару глотков. В метро патроны и вода – твои лучшие друзья. Первые спасают жизнь, вторая – продлевает, потому что обезвоживание подрывает силы не хуже серьезного ранения.

Снаружи слышались шаги, и в слесарную заглянул Каданцев, начальник транспортной службы Бауманского Альянса и правая рука начстанции Сотникова. Невысокий, жилистый, всегда подтянутый и с гладко выбритым лицом даже сейчас, несмотря на поздний вечер, в стареньком и линялом, еще сохранившем следы синей окраски, чистом комбинезоне. Несмотря на свои пятьдесят с хвостиком, этот человек являлся воплощением дисциплины и порядка на станции, от его придиричьего взгляда не ускользала ни одна мелочь, а любой бардак он пресекал железной рукой.

– Вот вы где, – низким хриловатым голосом недовольно бросил Каданцев. – Так, хватит здесь шуметь, людям отдыхать надо.

– Да уже заканчиваю, Альберт Георгиевич, – охотно согласился Федор. – Сейчас сходим, перехватим чего-нибудь в столовой, если Дашка еще не спит, и на боковую.

Каданцев нахмурился:

– По моим сведениям, вы вернулись два часа назад. Неужто не хватило времени перекусить?!

– Все в трудах да заботах, командир, присесть некогда...

– В таком случае, уже не придется. Готовьтесь на выход, чтоб через два часа были на Электrozаводской. Ремонтники закончили латать мотовоз с Ганзы, заказ срочный, нужно отгонять.

– А отдыхать мы когда будем, Альберт Георгиевич? – тоже нахмурился Федор, которому перспектива нового путешествия явно пришлась не по душе. – На нас с Димоном что, свет клином сошелся? Или все рельсы в метро ведут именно к нам? Некого больше послать?

– Некого, – отрезал Каданцев. – Все остальные заняты. Паек получите у Дарьи, она уже все приготовила. Кстати, чтобы про Дашку я больше не слышал, Федор, понял меня? Побольше уважения!

– Да понял, понял, – Кротов вздохнул и посмотрел на угрюмо выслушавшего распоряжения начальства напарника. – Подъем, Димон. Покой нам только снится...

– Что с боезапасом? – Взгляд Каданцева упал на снаряженные гильзы, в голосе сразу проступили нотки озабоченности. – Выдать?

– Мне свои милее, просто запасные крутил.

– Все экспериментируешь? Латунных тебе недостаточно?

– Да где ж их напасешься, латунных, – проворчал Федор. – Некоторым стальным «старушкам» из моей коллекции больше пятидесяти лет от роду, сами уже давно на вес патрона. Уж и стенки возле донца трещинками пошли, а все еще дюжат... Картонные и пластиковые все ж дешевле, до сих пор неиспользованные можно достать – сталкеры притаскивают. Порох сдох, а сами гильзы в полном ажуре, заряжай да пали...

– Тогда все, жду здесь с мотовозом. Там еще груз, по пути забросите на Курскую. И чтобы через десять минут вас здесь не было.

- Не понял, Альберт Георгиевич. Вы же сказали, что у нас два часа, а до Электрозаводской несколько минут ехать... Мы что, опять пехом пойдём?
- Свободных мотовозов сейчас нет. Ты не дырявый мешок с песком, не рассыплёшься. Все.
- На перегоне хоть тихо, Альберт Георгиевич?
- Там всегда тихо, сам знаешь.
- Береженого бог бережет, лучше лишний раз спросить...

* * *

Как только Каданцев ушел, Димка нехотя поднялся с обшарпанной деревянной табуретки, подхватил и забросил на плечо рюкзак, затем забрал с верстака автомат – выдавший виды АК74, лежавший рядышком с гладкостволкой Федора. Два часа после перехода, конечно, не сняли усталости, но ослабили ее. А к аврамам вроде этого он давно привык, не первый и не последний раз. В отличие от Федора, приказы начальства Димка давно перестал обсуждать. Надо так надо. Хоть голой задницей на раскаленную кочергу, все равно жизнь дерьмо. Когда больше ничего не ждешь от будущего, в таком состоянии наплевать на все и вся лямку тянуть как-то легче... Поэтому он первым двинулся наружу мимо Федора, торопливо ссыпавшего патроны в вещмешок.

Напарники пересекли короткую часть зала после слесарки, не обращая внимания на привычное окружение. Почти все проемы между пилонами со стороны платформы давно были заложены кирпичом, сливаясь в сплошную стену. Темно-красный порфир облицовки пилонов чередовался с закопченными буро-красными или грязно-белыми стенами – в зависимости от того, какой кирпич удалось найти на перекрытие. Все пространство внутри платформы, тщательно распланированное на рабочие места, было заставлено многочисленными станками, верстаками и вспомогательным оборудованием. Многие рабочие места были оборудованы вытяжками, трубы от которых, сплетаясь с общей магистралью главного воздуховода, смонтированного под потолком, уходили в туннель. Но от копоти и вездесущей промышленной пыли, оседавших на любых поверхностях, въедаясь в кожу и одежду, все равно никуда не деться. Бауманка производила массу полезного и жизненно необходимого в условиях метро оборудования, и две трети суток здесь, на платформе, превращенной в огромный промышленный цех, всегда кипела серьезная и напряженная работа.

На платформе было пустынно и тихо, шаги двух человек гулко разносились по будто вымершему пространству – после окончания смены большая часть рабочих отправилась спать на Электрозаводскую. Там же до следующей смены остался и развозивший их мотовоз с пассажирскими прицепами.

Ночь в метро – понятие относительное, особенно если учесть, что освещение здесь всегда искусственное, а своды бетонных туннелей никогда не видели дневного света. Впрочем, биологический ритм человеческого существования, складывавшийся в течение тысячелетий эволюции на поверхности, не обманешь искусственным освещением, поэтому проще было сделать так, чтобы время суток и под землей соответствовало времени снаружи.

– Слушай, Димка, а давай сразу на пути? – Федор уцепил напарника за плечо, заставив остановиться на выходе из цеха и с сомнением поглядывая в сторону небольшого жилого сектора Бауманской, начинавшегося сразу от эскалатора. Там в основном жил руководящий состав Альянса, самые ценные технические работники и специалисты. Ну и многочисленная охрана, соответственно. Кому-то ж надо было защищать одну из богатейших стратегическими запасами сырья и материалов станцию. – Раньше двинем, раньше вернемся, верно? Как думаешь? У тебя ведь там оставалось что пожрать, в рюкзаке?

– Опять поссорились? – слабо улыбнулся Дима. Послушно свернув, он спрыгнул с края платформы на пути, глухо звякнув подкованными каблуками ботинок о шпалы, и зашагал в сторону блокпоста, расположенного на тридцатом метре от станции.

Даша Панова – миловидная двадцатисемилетняя женщина, заведовавшая пищевым хозяйством станции, давно приглядывала Федора в женихи, но тот все упирался, цепляясь за свою мужскую свободу, как утопающий за соломинку. Димка уже пару раз был свидетелем того, как после разговоров с Кротовым по душам Дарья, несмотря на добрый и отзывчивый характер, в сердцах хваталась за сковородку. После этого Федор обычно несколько дней предпочитал не показываться ей на глаза.

– Да не поссорился я... – хмыкнул напарник, – так, слегка не сошлись во мнениях. Видишь ли, пацан, в каждом возрасте свои прелести, а в молодости еще и чужие. – Он ухмыльнулся шире, покровительственно похлопав парня по плечу. – Не готов я к постоянным отношениям, понимаешь? Я вольный ветер. Нельзя меня запирать в четырех стенах, зачахну и иссохну. И при этом я страшно полигамный чертяка, а потому не хочу отягчать совесть нежданчиками на стороне. Я ведь если женюсь – то все, как камень. Ни на одну юбку больше не гляну... Нет, вообще, гляну, конечно, – тут же, коротко хохотнув, поправился Федор. – Инстинкт есть инстинкт, он тут, в подкорке зашит, его матушка-природа тысячелетиями туда вколачивала, чтобы род человеческий не зачах. Такое одним усилием воли не искоренишь. Но нежданчиков уже точно не будет, слово даю.

– Смотри, как бы Дашка не зачахла и не иссохла, – грустно вздохнул Димка.

Цепь несчастий, сопровождавших его с самого рождения, заставила парня повзрослеть намного быстрее остальных сверстников, поэтому к семейным отношениям он всегда относился предельно серьезно. Впрочем, все дети, рожденные в метро, взрослеют рано. В условиях суровой подземной жизни, когда еда и вода наперечет, а любую одежду берегут, словно драгоценность, штопая до бесконечности, потому что новой взять почти неоткуда, когда рабочих рук постоянно не хватает, а каждый изготовленный патрон, каждое отремонтированное оружие – чья-то спасенная жизнь... У детей здесь почти нет детства. А игрушками нередко становятся детали станков, к которым их приставляют под присмотром наставников с малого возраста. Иначе нельзя.

– Да чего ей волноваться? – Федор беспечно отмахнулся, пытаясь под бравадой скрыть неуверенность. – Пока не знает, голове болеть не о чем.

– Я о том, что плюнет она на тебя и найдет другого.

– Много ты понимаешь, пацан. У тебя самого с Наташкой как дела? Чего не заглядываешь к ней? Девчонка в тебя сковородками еще не кидалась, насколько я знаю. Да ёханный бабай, Димон, чего сразу насупился? Ты ж мне не посторонний человек, сколько друг друга знаем... А, черт с тобой, молчи себе на здоровье!

Димка не стал отвечать, он и в самом деле после слов Федора замкнулся. Эту тему он ни с кем не обсуждал. Слишком уж болезненно. Благо Кротов отвлекся и не стал продолжать – впереди показался блокпост, оборудованный в сбойке, соединявшей оба транспортных туннеля.

Бетонные блоки, сложенные глухой полукруглой стеной на высоту двух метров, выдавались к путям ровно настолько, чтобы оставить свободным проезд для дрезины или мотовоза. На возвышении из-за края стены предупреждающе выдавался ствол РПК, установленного на вмонтированную намертво в бетон самодельную вращающуюся станину. Сама застава была затемнена, но в двадцати метрах по обе стороны укрепления, приглушенные стеклянными плафонами для защиты от вечного спутника туннелей – конденсата, горело несколько слабеньких лампочек. Благодаря такому решению возможные враги были как на ладони, а сами защитники находились вне видимости.

На звук шагов из-за бруствера по плечи высунулись двое бойцов в черных костюмах и бронежилетах. Узнав своих, бойцы расслабились, голова одного снова скрылась из виду –

для отдыха охранников в сбойке было оборудовано вполне приличное помещение. Второй же, плечистый Гришка Дягилев, остался поджидать пешеходов, но «калаш» отложил на бруст-вер, чтобы зря не оттягивал руки. Вход в укрепление находился с противоположной стороны сбойки, в параллельном туннеле, заблокированном на трехсотом метре. Сектора обстрела благодаря вращающейся станине РПК позволяли держать под контролем как туннель, ведущий в перегон к Электрозаводской, так и отрезок путей, тянувшийся к Бауманской. А с господствующей высоты туннель простреливался весьма далеко, а кроме того, при боевой тревоге врубался мощный прожектор, установленный над блокпостом на подвижном кронштейне. Впрочем, за всю историю Бауманского Альянса между этими двумя станциями ни разу не случилось вооруженных столкновений. Блокпосты, охранявшие подступы к самой Бауманской со стороны Кур-ской, были еще мощнее, а Электрозаводская являлась союзной станцией с момента зарождения Альянса.

– Какие люди! – покровительственно пробасил Дягилев, поправляя небрежно сбитую на затылок наголо бритой башки черную кепи, когда путники поравнялись с бетонкой. – Куда это вы на ночь глядя намылились, Федор?

– До баньки, Гриша, до баньки. Хорошая банька на Электрозаводской, сам знаешь, а мы не мылись давно, все в делах да заботах...

– Чего? Ты вообще о чем?

– Ну ты же спрашиваешь – куда намылились, вот я и...

– Да тьфу на тебя, дурень! Сколько раз зарекался тебя слушать, а все равно забываю. На, пиши.

Охранник, наклонившись пониже, протянул Федору истрепанную тетрадку, где необходимо было отмечаться как убывающим, так и прибывающим. Федор прислонил тетрадку прямо к бетонной стене, подхватил болтавшийся на нитке, прикрепленной к корешку тетради, заму-соленный карандаш и привычно вписал в разграфленные колонки имена и время.

– За мотовозом идем, – негромко пояснил Димка охраннику, глядя снизу вверх. – Кадан-цев послал. Срочный заказ, надо перегнать ганзейцам.

– Вот Стажер у тебя умеет нормально разговаривать, а ты все с шуточками...

Димка привычно скривился в ответ на гадкую кличку, но промолчал.

– Знаешь что, Гриша, – закончив нехитрую процедуру, Федор отдал тетрадку и насмеш-ливо прищурился под стеклами очков. – А давай по сто грамм? У меня заначка с собой.

– Слушай, Федор, ты, часом, головой о рельсу не прикладывался? Я вообще-то на посту.

– Так повод же хороший. Нельзя упускать.

– Какой еще повод?

– Да помянуть же надо.

– Кого помянуть?

– Не кого, а чего, Гриша.

– Кротов, по тебе пуля плачет. Опять за свое? Бери-ка ты ноги в руки и вали отсюда, не мешай службу нести. Знать не хочу, что ты там придумал.

– Да как хочешь, Гриша. Только дай знать, когда передумаешь... А то ведь нехорошо может получиться... – Федор незаметно подмигнул Димке, вовлекая его в свою игру. – Ну, делать нечего, пошли, что ли, Димон. Как известно, жизнь приучает человека многое делать добровольно. А в метро, сам знаешь, пешеходы бывают двух видов – быстрые или мертвые. Так что топаем бодро и весело, в темпе вальса, ясно?

Димка мысленно простонал, будто от зубной боли. Крылатые выражения, которые сыпа-лись из напарника, как из рога изобилия, иногда конкретно доставали. Порой Димке хотелось, чтобы он разговаривал простым человеческим языком. Но, похоже, Кротова действительно легче пристрелить, чем заставить это сделать.

– Считай до двадцати, – доверительно шепнул Федор Димке.

– Эй, Федь, а Федь? – не утерпев, все же неуверенно окликнул их охранник, как только они переступили границу освещенного пространства, готовые исчезнуть во мраке.

– Что, Гриша?

– Так что там... помянуть?

– Твое чувство юмора, Гриша. Бывай.

Вслед путникам полетел ядреный мат. Федор коротко хохотнул, включил ручной фонарь и размеренным шагом двинулся вперед, в сторону Электrozаводской. Пятно света заплесало перед ним по путям. Димка, подтянув на плече ремень вечно сползающего автомата, двинулся следом, и разговор сам собой прекратился. Туннели – неподходящее место для посторонних разговоров, это даже словоохотливый Кротов хорошо понимал. Тут, напротив, куда важнее уметь слушать, иначе запросто можно прохлопать какую-нибудь опасность. Это правило давно уже вьелось в плоть и кровь всех людей, обитавших в подземном мире разрушенного города.

Каждые сто метров на стене по правую сторону движения тускло горел плафон, освещение было настолько слабым, что друг до друга свет этих ламп не доставал, но и это все равно лучше, чем ничего. Свет успокаивал. Это на богатой Ганзе лампочки в перегонах развешаны через каждые пятьдесят шагов, а здесь... Впрочем, Бауманка тоже не бедствовала. Просто начальство не видело смысла превращать туннель в новогоднюю елку, особенно если учесть, что движение по большей части осуществлялось на мотовозах и путь от одной станции до другой продолжался недолго.

Втягиваясь в привычный ритм шагов, Димка невольно опять погрузился в мрачные мысли. Вот же чертяка этот Федор! Разбередил невеселые воспоминания...

Димка появился на свет уже после Катаклизма, в метро, и ему было года три, когда жизнь его мамы, как он понимал сейчас – молоденькой и недалекой девчонки, оборвала случайная пуля в одной из шальных перестрелок. Такие стычки в первые годы были обычным явлением. Грызня за еду, за воду, за патроны и оружие, за жизненное пространство, за власть, за... да за все что угодно. Могли убить просто за косой взгляд. Ребенка после гибели матери приютила пожилая пара, но в один роковой день не вернулся из похода за едой на другую станцию старик, а вскорости и его супруга, старушка – божий одуванчик, отчаявшись дожидаться мужа, отправилась на его поиски, да и тоже сгинула. Исчезновения в первые годы, пока население Москвы обустроивалось в метро и привыкало к мысли, что оно тут надолго, если не навсегда, были нередки. Впрочем, люди исчезали и сейчас, но гораздо реже – самые неосторожные или просто слабые телом и духом к этому времени уже погибли от различных нападений, а остальные волей-неволей научились выживать.

Димка даже не помнил, на какой станции он тогда жил. Не помнил и людей, которые его окружали. Зато хорошо помнил свой детский, всепоглощающий ужас в тот день, когда, проснувшись в ворохе тряпья возле остывшего кострища на платформе, обнаружил, что остался на станции совершенно один. По каким-то причинам люди в спешке покинули обжитое место, бросив никому не нужную обузу на произвол судьбы, а может, просто забыв о чужом ребенке.

Несколько страшных суток, показавшихся целой вечностью, словно проведенные в потустороннем мире, мальчик бродил по туннелям в абсолютном мраке. Одиноким, голодным, измученным и заплаканным ребенок.

Первыми его нашли вездесущие крысы.

Некоторое время они следовали за пацаном по пятам, осторожничая, но с каждой минутой их становилось все больше. Мерзкие твари подходили все ближе, окружая его со всех сторон, забегая вперед, чтобы отрезать путь к бегству. Шорох крысиных лапок и писк заполонили весь туннель. Даже у взрослого человека мало шансов отбиться от стаи крыс, уже попробовавших человеческой плоти. Полумертвый от ужаса, мальчишка бросился бежать... и едва не угодил под грохочущие колеса мотовоза, на котором ехали челноки с Бауманской. Прон-

зительный скрип тормозов, ослепительные, больно бьющие по глазам после долгой темноты вспышки фонариков, обеспокоенные голоса спрыгивающих с платформы мужчин – темные фигуры грозных великанов, и затем – оглушающий грохот автоматных выстрелов...

Самым ярким воспоминанием из детства так и остался эпизод с мотовозом, подобравшим его в перегоне между Римской и Чкаловской. Как он там оказался – этого Димка не смог бы поведать даже под пытками, детская память таких деталей не сохранила. Да и не сумел бы он рассказать, даже если бы помнил, – шок, испытанный ребенком при нападении крыс, заставил его онеметь на долгие годы – по словам обследовавшего его станционного врача, буквально отключив в мозгу речевые центры.

Так Димка попал в Бауманский Альянс. А первым человеком, которого он увидел на станции, оказался сам Михаил Сотников – глава Альянса. Видимо, вид оборванного и несчастного пацаненка, его полный отчаянья и обреченности взгляд что-то тронул в душе закаленного жизнью, опасностями и невзгодами человека, привыкшего руководить сотнями людей и не имевшего времени на личную жизнь. Вот так и получилось, что Сотников, вместо того чтобы начальственным распоряжением пристроить очередного беспризорника в одну из семей, взял его к себе...

Примерно через пару недель после усыновления Димки его приемный отец официально зарегистрировал брак с молодой женщиной – Аленой Прашкевич, уже бывшей на последнем месяце беременности. Вскоре у Михаила Григорьевича родилась дочь Наташка. А от самой Наташкиной матери осталось только имя – Алена умерла при родах. От скудного медицинского обеспечения и слабого здоровья рожениц в метро такое случалось сплошь и рядом.

После ее смерти Сотников сразу постарел, сдал и выглядел сейчас значительно старше своих пятидесяти семи. Больше он так ни с кем и не сошелся. Хватило одной смерти. А всю свою нерастратченную любовь отец – обоим малышам ставший родным – подарил Наташке с Димкой...

«Черт, как же хочется спать!»

Димка встряхнул головой и в бессчетный раз поправил ремень автомата, при каждом шаге так и норовившего, словно живое зловредное существо, въехать прикладом по ребрам. Парень явно переоценил свои силы, подумав, что успел хоть немного отдохнуть. С другой стороны, выбора-то все равно нет... Вон Федор топает и не жалуется. Молчаливый Федор – это даже здорово. Димка через силу улыбнулся в темноте, не забывая переставлять ноги. Он совсем запамятовал, что заставить Федора замолчать может не только пуля – темнота делает это еще надежнее.

Легкий ветерок, признак работы вентиляционных систем и такой же вечный спутник туннелей, как и мрак, скользил по лицу. Тусклые лампочки медленно проявлялись из глухой давящей темноты, с трудом отвоевывая у нее жалкий клочок жизненного пространства для людей, и так же медленно уплывали за спину. Жизненно важный световой пунктир, путеводная ниточка во мраке. Идти до Электрозаводской не так уж долго, но в бесконечной кишке туннеля расстояния по ощущениям обманчиво растягиваются многократно.

Очень неприятное чувство.

И каждый раз, отправившись в путь, думаешь, что уже никогда не выйдешь снова к людям, в привычный обжитый мирок...

Глава 2. Смех в темноте

Задумавшись, Димка споткнулся и остановился.

Что-то его насторожило.

Возможно то, что изменился звук шагов – теперь он, казалось, гас раньше, чем каблук касались шпал, а не разносился слабым эхом по туннелю.

Понимание того, что путевая лампочка, которая давно должна бы показаться впереди, никак не появляется, медленно просачивалось в сознание – вместе с холодком все усиливающегося страха. И еще мгновением позже дошло, что он уже какое-то время идет один. И без того влажный и затхлый воздух туннелей словно сгустился в тягучую, отдающую трупным смрадом патоку, которой трудно было дышать. Сердце Димки забило учащенно и гулко. Куда пропал Федор? Когда это случилось? Как такое вообще возможно – не заметить сразу, что тот исчез – беззвучно, бесследно?! Кротов же только что шагал впереди, и пятно света скакало перед ним с путей на своды туннеля и обратно, контролируя состояние дороги, и вот его уже нет. Сгинул, словно сквозь землю провалился.

Происходило что-то непонятное. Что-то жуткое.

Может, напарник, не заметив, что Димка отстал, просто ушел вперед?

Замерев, Димка стоял напряженно прислушиваясь к шорохам во мраке, надеясь услышать такой родной, успокаивающий звук шагов Федора. Но тишина окружала его со всех сторон. Тяжелая давящая тишина. И мрак. С каждой секундой шорохи туннеля все отчетливее звучали вокруг – когда шагаешь, не слышишь почти ничего постороннего, только собственное дыхание. Но туннель всегда живет своей особенной жизнью. И стоит остановиться, как эта жизнь дает о себе знать, заполняя все пространство. Слабое потрескивание поверхности бетонных стен, шелест осыпающейся изоляции, отслоившихся частичек на остатках труб и электрических кабелей вдоль стен, сдавшихся под натиском времени и коррозии. Звук капель, конденсирующихся на своде и звонко падающих вниз, на пути. А еще – ветер.

Нестерпимо, до дрожи захотелось увидеть свет, и Димка запоздало вспомнил, что у него есть свой фонарь, – нужно только достать его из рюкзака! Стараясь не шуметь и не тревожить то, что могло притаиться во мраке, он торопливо стянул автомат с плеча и опустился на корточки, аккуратно, почти беззвучно положив его рядом. Затем запустил руку в сброшенный рюкзак, шаря вслепую.

Где-то впереди раздался глухой, но мощный удар, гулко разнесшийся по жерлу туннеля. Димка замер, мгновенно превратившись в каменное изваяние. Он так и не нашел фонарь, но теперь боялся даже пошевелиться, чувствуя, как от ужаса, сжавшего горло и перехватившего дыхание, шевелятся волосы на затылке. Метров сто? Или всего пятьдесят? Такой звук не мог исходить от человека. Словно что-то огромное, могучее приложилось кулаком по путям, едва не вздыбив поверхность.

Тоненький неестественный смех, раздавшийся вдруг всего в двух шагах, заставил его вздрогнуть и мгновенно взмокнуть с ног до головы. Даже не смех – хихиканье. Как будто некое существо, не обладая человеческими голосовыми связками, старалось подражать человеческому смеху – или передразнивать его. Димка против воли шевельнулся, и рукоять фонаря сама ткнулась в ладонь. Он тут же выхватил его из рюкзака, но так и не включил – тяжелый гулкий удар, такой же, как и первый, опять прокатился по туннелю. Пути под ногами вздрогнули, секунду спустя порыв ветра обдал мокрое от пота лицо. Димка снова оцепенел, инстинктивно чувствуя, что любое движение для него сейчас может оказаться смертельно опасным.

На этот раз было гораздо ближе.

Может быть, всего метров двадцать.

Против такой твари, неизвестно как проникшей в туннель, автомат, скорее всего, бесполезен. Как тогда – на поверхности. В его первый и последний выход сталкером, которым он так и не стал... Жалкое оружие, созданное людьми против себе подобных...

И вдруг что-то мертвой хваткой вцепилось ему сзади в плечо.

Из груди вырвался крик, Димка как сидел на корточках, так и рванулся прочь, ужом выворачиваясь из чьей-то лапы, вслепую отмахнулся назад рукой... и тут же получил затрепину, от которой наконец проснулся.

Буквально вздернув его на ноги с корточек, Кротов с недюжинной силой тряс парня за грудки, как тряпичную куклу.

– Да ёханный бабай, пацан! Тебе кошмар снился, я тебя от кошмара спасал, понял, нет? Ты на ходу заснул, чудак, скажи кому, так не поверят же, что такое возможно! Ты спал, понял?

– Федор... – только и выдохнул Димка, чувствуя, как его охватывает невероятное облегчение, а ноги того и гляди подкосятся от подкатившей слабости, и он снова рассядется на шпалах. Нет никакого монстра в темноте. Ему это все почудилось. Всего лишь почудилось...

– Я спохватился, а ты уже сидишь на шпалах и сопишь в две дырки, – озабоченно, пополам с удивленной насмешкой, продолжал Федор. – Не, ну ты даешь, блин! Может, тебе еще разок пощечину отвесить? Для профилактики? Вон ведь сразу в себя пришел, а то сперва драться полез. Я его спасаю, а он драться, вот чертяка.

– Отпусти, – выдавил Димка, чувствуя, как сгорает от стыда. – Хватит уже трясти.

Он дернулся, отступая на шаг, и Федор наконец оставил его в покое.

– О, так я еще и виноват! – возмутился напарник. – Ты вообще слышал про такую штуку, как совесть? Понимаю, редкое явление в наше непростое время, но хоть какие-то зачатки должны же в тебе развиваться!

– Знаешь что, Федор?

– Ну что, что?

– Да пошел ты сам знаешь куда! – неожиданно для себя зло бросил Димка.

– Та-ак, все с тобой ясно, – сразу поскучевшим голосом протянул Кротов. – Вот тебе фонарь, теперь ты пойдешь впереди, а я присмотрю за тобой. Заодно и делом будешь занят, наверняка не заснешь – надо же кому-то дорожку освещать.

– Договорились.

Димка вырвал из руки напарника протянутый фонарь, резко развернулся и пошел вперед.

– Эй, пацан, ты вообще в порядке?

– Нормально.

– Может, я...

– Федь, а Федь...

– Опять послать хочешь? – подозрительно уточнил Федор.

– Нет, Федь. Только попрошу. Помолчи, а? Просто – помолчи.

И что-то такое было в голосе паренька, что Кротов заткнулся.

Ведь в этом кошмаре у Димки были целы обе руки. Обе. По лицу сами собой потекли жгучие слезы, и он не стал их смахивать – в темноте не от кого было прятаться, а шагавший теперь за спиной напарник не мог увидеть его лицо. Димка никогда никому не желал зла и не мог понять, почему жизнь так жестоко с ним обошлась. Проклятая темнота. Проклятый калека. Проклятая жизнь.

Прерывисто вздохнув, он стиснул зубы и постарался взять себя в руки.

Осталось уже меньше половины пути до Электрозаводской, и хотя лично его там никто не ждал, все же там был свет. Настоящий свет, а не это жалкое пятно фонарика, едва освещавшее крошечный участок пути. И еще там жили люди. Человеку нельзя одному, даже такому бесполезному калеке, как он. Присутствие людей успокаивало, настраивало мысли на более мирный лад. Растворяло страхи туннелей, наполняло его жизнь хоть каким-то смыслом...

Долбанный автомат. Димка снова поправил ремень и ускорил шаг, стараясь поскорее вырваться из ненавистного пространства бетонной кишки к станции.

* * *

Темнота – вечный спутник всех подземных жителей – должна была стать привычной с рождения и для Димки. Должна была, но не стала. Темнота его душила. Сколько он себя помнил, как только начал осознавать взрослый мир и узнал о поверхности, его душа сразу заболела идеей вырваться под открытое небо. А может, именно история с блужданием по туннелям поселила в душе его как свинец тяжелую ненависть к вечно царившему в метро мраку. Как только мальчик повзрослел достаточно, чтобы осознать, кто такие сталкеры, он сразу заразился идеей стать одним из них. Из тех, кто способен вырваться на поверхность. Пока ему не стукнуло шестнадцать, Сотников об этом и слышать не хотел. Надеялся, что Димка передумает и детская мечта развеется, уступив взрослым жизненным реалиям. Да и работы на Бауманской хватало на всех с избытком. С лет шести Димка уже махал метлой, наводя порядок на рабочих местах после смены, как и многие другие подростки. С восьми освоился у токарного станка, вытачивая несложные детали для разных хозяйственных нужд. В тринадцать легко управлялся с электросваркой при изготовлении сложных металлоконструкций. К шестнадцати его взяли под опеку и обучение науке опытные спецы Бауманки, мастерившие детали для оружия взамен пришедших в негодность. В какой-то момент Димка все острее стал осознавать, что еще год-два, и хозяйственные заботы похоронят его мечту навсегда. И тогда на столе Сотникова каждый день стала появляться короткая записка: «Отпусти в Полис, отец. Я хочу стать сталкером». Сотников поначалу его просьбу не воспринял всерьез. Да и подумать – какой из него, немого, сталкер. Но записки повторялось с завидной настойчивостью. Не помогали ни разговоры с сыном по душам, ни ругань, ни увещевания. Время шло. Сотников не уступал. По всем признакам из смышленного парня, схватывавшего все на лету, в будущем должен был получиться хороший оружейник, и глава Альянса не хотел и думать о том, чтобы сын бросил обучение и подался невесть куда ради непонятной блажи. И тогда Димка, терпение которого иссякло, пошел на отчаянные меры.

Он решил сбежать.

Подходящий случай вскоре представился. У Федора Кротова, уже несколько лет работавшего челноком, стал часто недомогать напарник – из-за приступов ревматических болей в ногах тому трудно было ходить, и Димка с разрешения Сотникова напросился в помощники. Пропуск на территорию Ганзы имелся только у Федора, зато оформленный на двоих, и Димке это показалось достаточным. Он планировал удрать от Кротова по прибытии в Ганзу и по кратчайшей прямой добраться до Полиса. Благо от Курской до Библиотеки имени Ленина оставалось всего два перегона...

Увы, приключение оказалось недолгим. Без пропуска застава ганзейцев с Курской его не выпустила, более того, вышел изрядный скандал. Пока Димка отсиживался под арестом в станционной кутузке, а ганзейцы выясняли его личность, Сотников лично приезжал улаживать все проблемы – чтобы, как думал парень, забрать его обратно. Каково же было его удивление, когда мрачный Михаил Григорьевич без лишних слов и напутствий вручил сыну бумаги с направлением в Полис, да еще и приказал Федору доставить беглеца до места назначения.

Так Димка попал в Полис, в группу подготовки молодых сталкеров. Но проклятие словно преследовало его...

Опасения отца сбылись в полной мере. Два месяца спустя, после первого же тренировочного выхода на поверхность, где их небольшая группа – проводник, наставник и стажер – попала в смертельный переплет, чудом выжив, сын вернулся калеккой. Сотников давать волю чувствам не стал. Сдержался, понимая, что мальчишке и так не сладко. Может быть, именно

поэтому Димке было так тошно... лучше бы уж накричал, выплеснул гнев, и тогда они снова могли бы вернуться к прежним, теплым отношениям, которые между ними были с самого начала. Между отцом и сыном словно возникла незримая стена холодного отчуждения. У Димки сложилось гадкое ощущение, что его бросили, списали со счетов, что больше он не имел для отца никакого значения, и это было сродни предательству. Не помогло даже то, что к парню вернулась способность к речи – клин клином, как говорится. Словно жизнь, усмехнувшись, решила таким образом компенсировать новую ущербность.

Первые несколько месяцев речь давалась Димке тяжело, тем более что и говорить-то было не с кем и не о чем, – чувствуя отношение отца, его начали сторониться и другие. Но все же более менее внятно говорить он научился. Скорее всего, помогло то, что за прошедшие годы немоты, желая что-нибудь рассказать или просто ответить на чей-то вопрос, он тщательно проговаривал знакомые слова про себя. Так, словно и в самом деле говорил вслух, только беззвучно, и только спохватившись, пытался объяснить на пальцах. Да и из-за ненавистного увечья тем более пришлось осваивать речь.

Помогла также и работа. Федор все еще оставался без постоянного напарника, занемогшего со своим ревматизмом не на шутку, и каждый раз, отправляясь в рейс, ему приходилось выклянчивать у Сотникова спутника. Димка сам попросился к нему. На других станциях, среди чужих людей, где они с Федором теперь часто бывали по делам Альянса, парню как-то легче дышалось. Отчуждение, давившее на Бауманской, с расстоянием словно стиралось, истончалось...

Димка резко остановился, услышав странные звуки, идущие откуда-то из темноты справа. Страх, растворившийся было после кошмара, мгновенно вернулся. Да черт возьми, ведь сейчас он не спит!

Парень дрожащей рукой посветил фонариком. Луч уперся в ответвление технического туннеля, зияющего на стене, словно провал бетонного рта. Федор тут же оказался рядом, сжимая в правой руке дробовик.

– Эй, Димон! Случилось что?

– Тихо! Слушай!

Димка медленно обвел стены ответвления лучом фонаря, стараясь ничего не упустить. Увы, через несколько метров боковой проход сворачивал, поэтому ничего, кроме стен, разглядеть не удавалось. А исследовать территорию самостоятельно, углубляясь в этот проход, у Димки не было ни малейшего желания.

– Да что ты слышал-то? – не выдержал Федор через минуту напряженного молчания.

– Можешь считать меня законченным психом, – тихо и нехотя ответил Димка, – но я слышал детский смех.

– Или звуки, очень на него похожие? – Федор понимающе усмехнулся, машинально поправил свободной рукой на переносице вечно сползающие, как ремень Димкиного автомата, очки. Затем смахнул рукавом мгновенно проступившую испарину со лба. – А я-то думал, что это мой персональный глюк. Ты когда там на путях заснул, мне тоже померещилось, только внимания не стал обращать. Тут у нас всех психика расшатанная, мало ли что могло почудиться...

– Ненавижу темноту! – процедил Дима сквозь зубы, продолжая шарить фонарем по стенам, но не двигаясь с места.

– Да кто ж ее любит. Ладно, ложная тревога, топаем дальше.

– Не ложная, Федя. Дважды послышалось, и обоим. Так что не ложная.

– Пусть проверяют те, кому это положено, а мы всего лишь челноки, Димка. Придем на станцию, доложим, куда следует.

– Что доложим, Федь? Что слышали странный смех?

– У нас люди не идиоты, парень, ко всему привычные, и такое заявление обязаны будут проверить. Пошли уже, в самом деле.

Но Димка молча всучил Федору фонарь, сдернул ремень автомата с плеча, неуклюже передернул покалеченной рукой затвор и взял оружие в левую. Указательный палец уже почти привычно лег на спусковую скобу. За год пришлось многому переучиваться. В том числе и стрелять с заметно окрепшей левой руки, поневоле взявшей на себя функции правой. Нельзя вечно бояться. Нельзя. Нужно бороться со страхом, закалять волю. Иначе страх просто сожрет душу без остатка. Этому его учил наставник с Полиса.

– Свети, Федь, – как можно тверже сказал Димка, изображая уверенность, которой не чувствовал. – Я сам проверю. Подстрахуй.

– А может, не надо, Димон, а? – с сомнением спросил Федор. – У меня на все реагировать правильно здоровья не хватит.

Но Димка уже двинулся в проход.

Десять шагов до изгиба он прошел медленно, как во сне. Было очень страшно. Оставляя прохладные дорожки на разгоряченной волнением коже, капли едкого пота скатывались по лбу и щекам, солью оседали на пересохших губах, срывались с подбородка. Больше всего на свете в этот момент ему хотелось все послать к чертовой матери, в том числе и свою натужную храбрость, и последовать совету Федора – убраться отсюда. Но какое-то упрямство в душе не позволяло это сделать. Живя в метро, нельзя бояться темноты... Или она тебя, или ты...

Кротов так же медленно двигался за спиной, подсвечивая фонариком из-за плеча напарника. Вот и изгиб. Скорее всего, там ничего и нет. Федор прав: в лабиринтах метро, давно живущих своей особенной, таинственной жизнью, порой можно услышать все что угодно, и это не обязательно будет нести опасность. Просто какое-то очередное природное явление, аномалия...

Собравшись с духом, Димка шагнул к повороту, одновременно разворачиваясь и приседая с автоматом на изготовку. Железо скользило в потных ладонях, но пальцы вцепились в рукоять и цевье намертво. Луч фонаря в руке напарника последовал за направлением взгляда и уперся в тупик, которым заканчивался проход всего в двух метрах от поворота. Видимо, когда-то его специально заложили кирпичом, отсекая кабельно-вентиляционный коллектор и снижая тем самым риск проникновения различной нечисти.

Глаза парня расширились от изумления, он прерывисто выдохнул и, медленно поднявшись на ноги, попятился.

Нечисть все же нашла себе путь сквозь преграду.

Поверх грубой кладки шевелились пласты серебристо-серой паутины, вспыхнувшей в луче фонаря, словно лохмотья из драгоценной ткани. И шевелилась паутина не от движения воздуха – под ней сновали темные юркие тела размером с ладонь. Множество тел. Как только свет упал на паутину, движение замерло, и неведомые существа, повернув крошечные головы, не мигая, изучающе уставились на людей. Тихий металлический смех, раздавшийся из горла нескольких тварей сразу, заморозил кровь в жилах.

Димка никогда не видел таких бестий, да и никто из тех, кого он знал, – тоже. Даже его бывший наставник в Полисе ничего о подобном не говорил. Но одно за свою недолгую жизнь под землей парень уяснил хорошо – лучше перестраховаться, чем потом кусать локти. Следовало немедленно сообщить о находке на станцию.

Пятясь, они выбрались в общий туннель, ни на миг не выпуская коридор из луча света. Их никто не преследовал.

– Нет такой чистой и светлой мысли, Димка, чтобы русский человек не смог ее выразить в грязной матерной форме, – прокомментировал Федор увиденное, и по севшему голосу напарника было ясно, что и он напуган до чертиков.

– Как ты там говорил, Федь? Пешеходы бывают двух видов – быстрые или мертвые? – Димка нервно закинул ремень автомата на плечо.

– Тьфу на тебя, пацан, нашел, что напомнить! Топаем отсюда от греха подальше. Надо срочно сообщить об этой гадости.

Выбравшись обратно на рельсовый путь, они, не сговариваясь, скорым шагом двинулись прочь, поминутно оглядываясь. Но что-либо разглядеть в мгновенно сгустившейся за спинами темноте уже было невозможно. И лишь мерзко шевелящаяся паутина стояла перед глазами обоих.

Глава 3. Электрозаводская

Только завидев впереди блокпост, Димка облегченно вздохнул. Федор, молча шагавший рядом, тоже заметно оживился, повеселел. Даже фонарь выключил – незачем дефицитные батарейки разряжать. Тем более, что свет на уже недалеком пяточке был ярче, чем от фонарика в его руке, маня и обещая защиту от любых неведомых опасностей, притаившихся в темноте тубингов. Люди... Вид обустроенного человеческого общежития всегда успокаивает, особенно после путешествия по перегонам между станциями, где привычная паранойя, преследующая всех без исключения путников, – ощущение враждебного взгляда в спину. Димка слышал о множестве случаев, когда от такого ощущения за просто съезжали с катушек. Он и сам постоянно чувствовал давящий страх в туннелях, но все же привык как-то с ним справляться. А были и те, кто совсем не мог ходить между станциями, навсегда смирившись с оседлым образом жизни. Просто не могли войти в туннель, справиться с приступами дикой паники, охватывающей тем сильнее, чем дальше приходилось уходить от станции. Димка даже знал мудрое словечко, описывающее такое состояние, – никтофобия, боязнь темноты. Слышал его от своего бывшего наставника в Полисе...

По обе стороны от путей стояли бетонные блоки высотой по пояс, за которыми находились посты для охранников. Дежурили здесь всегда по двое – минимально допустимое число людей для любого поста в метро. Путь между блоками перекрывала металлическая штанга шлагбаума. Шагов за тридцать вспыхнул прожектор, установленный на блоках, и тут же раздался окрик:

– Руки вверх! Голову вниз!

– Гуляев, опять придуливаешься? – Федор, шурясь от ослепительного света, бьющего в лицо, прикрыл глаза козырьком ладони. Димка просто повернулся боком, это у старшего обязанность подставлять лицо «для досмотра», а ему можно и так постоять.

– А, ё-мое, это ты, Кротов, – с насмешливым облегчением протянул охранник. – С тебя беру пример, между прочим. Не все ж тебе первым остряком на станции быть.

– Совсем ты народное достояние не бережешь, Гуляев.

– Чего?

– Прожектор выруби, чудила!

Свет погас, и после ослепительного зарева темнота мгновенно обволокла Димку со всех сторон душным одеялом, еще плотнее, чем раньше. Словно вместе с прожектором погасло и все остальное освещение. Но нет, вот тусклый свет лампочки над блокпостом проступил снова, очерчивая силуэты охранников.

Федор двинулся вперед, увлекая спутника за собой.

– А в следующий раз что придумаешь? – Димка, придерживая ремень автомата, чтобы тот не сорвался с плеча, поднырнул под шлагбаум. Выпрямился, окидывая хмурым взглядом охранника – рослого, но худого, как столб, парня в потрепанной камуфляжной форме. – Вверх ногами заставишь стоять?

Между Вовкой Гуляевым и Димкой с детства установилась скрытая вражда по многим причинам, они терпеть друг друга не могли. В таких случаях еще принято говорить – не сошлись характерами.

– Чего сказал, пацан? – Гуляев неприятно усмехнулся ему в лицо.

– Не обращай внимания, Димон, – Федор, тоже перебравшись за шлагбаум, который охранники и не думали поднимать – невелики птицы, нагнутся, – хлопнул по Димкиному плечу ладонью. – Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось. Гуляев, нам к началству, срочно. Дело есть. Лосев на месте?

– Не надо никакого начальства, ё-мое. – Гуляев мотнул головой в сторону мотовоза, стоявшего на путях в двадцати шагах от блокпоста. – Нас предупредили. Давно уже ждем вас, олухов. Забирайте и валите к своим ганзейцам.

– Уши прочисти, Гуляев. Я тебе что сказал?

– Что я олух, да? – с дурашливым недоумением переспросил охранник.

– Это само собой. Ведь главный недостаток ума заключается в его отсутствии, с этим не поспоришь. Кроме того, лучше молчать и слыть идиотом, чем заговорить и развеять все сомнения, Вовчик.

Даже в тусклом постовом освещении было видно, как охранник покраснел от злости. Но состязаться с Федором в остроумии у него желание определенно пропало, хотя согнать с лица дурашливую кривую усмешку Гуляев так и не смог.

– Все остришь, Федя, все остришь, ё-мое...

– Ты вопрос слышал вообще-то?

– Щас подумаю... Лосев у нас на месте, Петрович?

Второй охранник, пожилой пузатый дядька, все это время молча сидел на табурете с автоматом на пухлых коленях, прислонившись спиной к бетонному блоку. И наблюдал за гостями с такой маниакальной подозрительностью, словно эти двое были не своими, а пришлыми, явившимися неизвестно откуда. На оклик Гуляева Петрович встрепенулся, словно в нем повернулся некий выключатель, и, расслабившись и сразу подобрев лицом, охотно откликнулся:

– Куда ж ему деваться... В кабинете. Только вроде гость у него, беседуют о чем-то.

– Что за гость? Ладно, неважно, разберемся. Димка, за мной.

– А мотовоз когда заберете, ё-мое?! Мне смену сдавать, и мотовоз на мне висит!

– Да отвяжись ты со своим мотовозом, не до него сейчас!

Оставив за спиной блокпост, они обогнули сбоку ганзейский мотовоз и вошли на станцию.

Освещение здесь было приглушено – ночь все-таки, лишь по краям платформы горели редкие тусклые лампы, не столько рассеивая мрак, сколько служа ориентирами для припозднившихся путников. Проемы между пилонами из светлого мрамора, так же как и на Бауманской, были забраны перегородками из красного кирпича, отчего глухая стена казалась куском шахматной доски, а все три выхода на платформу с путей в ночное время запирались на замки и засовы, выставлялись посты, и станция превращалась в неприступную крепость. Здесь было что охранять, ведь желающих позариться на чужое добро всегда хватало в избытке.

Челноки направились к ближнему выходу. Остальные два, что скрывались сейчас в сумраке станции, их сейчас не интересовали. Но Димка и так прекрасно знал, что с другого конца платформы вход на охраняемую территорию перекрывала такая же стальная дверь, как и та, к которой они направились. А примерно посередине станции в стену были вмонтированы широкие металлические ворота. Здесь в свое время для удобства и расширения оперативного пространства пришлось даже разобрать пилон. Напротив ворот над путями нависала самодельная рама порталного подъемника, с помощью которого технику для ремонта перетаскивали на платформу. Привычная картина на Электrozаводской днем, в разгар рабочей смены, – деловитая суeta десятков людей в рабочих комбинезонах. Постоянно вспыхивающее зарево сварки, шум станков по металлообработке, визг сверел и удары прессовочных молотов, химическая вонь из лабораторий, устроенных в подсобных помещениях с другой стороны станции, натужное гудение вытяжных вентиляторов. Какофония, слышная издалека. Особый жизненный ритм этого осколка человеческой цивилизации. Здесь выполняли любые необходимые работы по металлу, чинили электрооборудование и технику – мотовозы, дрезины. Соответственно, здесь же находились склады с массой редких и ценных материалов, необходимых в повседневной работе. А благодаря уникальным технологиям, разработанным специалистами

не только для ремонта, но и производства множества полезных и необходимых для жизни под землей вещей, люди из Бауманского Альянса могли позволить себе жить на широкую ногу.

Но сейчас-то тут, естественно, было тихо.

Напарники не дошли до платформы шагов десять, когда громыхнул внутренний засов и стальная дверь распахнулась. Димка с Федором невольно замедлили шаг. Глухо гремя каблуками по металлическим ступенькам, в полосу вырвавшегося из-за двери света один за другим на пути выбрались несколько человек, продолжая начатый внутри разговор. В одном из них по знакомому хрипловатому, с властными интонациями голосу Димка сразу признал Сергея Владимировича Лосева, пожилого, но еще энергичного начальника станции. Еще трое – обычные парни в форме охранников, а последний из группы, судя по одежде и снаряжению, – сталкер. Причем сталкер, который определенно собрался на поверхность. Сердце невольно сжалось в безысходной тоске. Навсегда похороненная мечта. Димка прищурился, всматриваясь. Хотя он знал всех сталкеров Бауманского Альянса как облупленных, как и все жители синей ветки, этого он что-то не признал. Невысокий тип, едва ступив на пути, сразу повернулся в сторону Семеновской, а по спине много не разглядишь. Но среди бауманцев Димка такого не помнил, наверняка это и есть «гость», о котором обмолвился Петрович. Гермоворота на Электrozаводской были давно и надежно заблокированы от греха подальше, очень уж шустрая живность развелась в районе над станцией. Зато был специально оборудован выход в самом туннеле, на полпути к Семеновской – через доработанную вентиляционную шахту. Димка знал, что много-много лет назад, из-за угрозы неизвестной чумы, поразившей чудом выжившую после Катаклизма колонию из нескольких десятков человек наверху, этот выход тоже пришлось перекрывать. Но на одних поставках с других станций Бауманскому Альянсу существовать было тяжело и накладно, поэтому, когда нехватка ресурсов особенно обострилась, приняли решение выход вскрыть и восстановить. Так что теперь многие сталкеры, как свои, так и пришлые, выходили на поверхность именно этим путем. – Вот черт! – тихо вырвалось у Димки, когда сталкер все-таки повернулся на звук шагов, взглянул в их сторону. – Вероятность встретить приятеля возрастает именно тогда, когда он на хрен тебе не нужен, да, Димон? – понизив голос до шепота, прокомментировал Федор, по-своему истолковав реакцию напарника. – И чего ты так его не любишь?

Димка промолчал, насупившись. Не то чтобы он не любил Олега-Натуралиста, нет, это слишком сильно сказано... Но вот встречаться с ним очень не хотелось. Он даже не смог бы сразу сказать, почему именно. Не хотелось, и все. Впрочем, чего уж душой кривить, мог. Возможно, именно из-за этого типа, так не вовремя отставшего во время того выхода на поверхность, Димка и стал калекой. С другой стороны, не отстань Натуралист, и та тварь напала бы на всю группу разом, и тогда неизвестно, выбрался бы оттуда хоть кто-то живым. Но от неприятного осадка, давно занозой засевшего в сознании, избавиться уже было трудно.

– Я здесь подожду, – хмуро обронил Димка.

– Хорошо, я быстро.

Димка вернулся к мотовозу. Самодельный стальной монстр лишь глухо скрипнул, когда парень вспрыгнул на подножку, нависающую над одним из четырех колес, и уселся на обшитую деревом площадку, прикрывающую двигатель. Стянув с плеча надоевший до смерти автомат, Димка положил его рядом и наострил уши. Здесь, между станцией и постом, почти в полной темноте, его не было видно, зато слышимость была хорошей.

– Доброй ночи, Сергей Владимирович! – преувеличенно бодро поприветствовал Федор начальника Электrozаводской, приблизившись и обменявшись с ним рукопожатием.

– Салют, мужики. Что тут у вас стряслось? Я думал, что это только мы с напарником по ночам шастаем, как крысы с голодухи. Куда собрались-то? Аврал какой?

– Погоди, Федор. В общем так, Сабринов, – Лосев повернулся к командиру группы, – отправитесь навстречу ребятам с Семеновской, прочешете туннель. Смотреть в оба глаза, замечать все подозрительное. Потом лично передо мной отчитаешься.

– Да поняли мы все, Сергей Владимирович. Повторять – только время терять.

– Не ершишься, Володя. Я лишний раз никого посылать не люблю, ты это знаешь. Хотелось бы, чтобы усилия не пропали зря и никто не пострадал.

– Да кто там пострадает? Спокойный туннель, последний раз, может, года три назад что случилось...

– В спокойных туннелях люди не пропадают.

– Вот именно! Я абсолютно уверен, что не там семеновцы ищут, не там! Пусть лучше у себя пошуруют как следует, чем людей баламутить на ночь глядя.

– В наше время, Володя, ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным, – строго заметил Лосев. – Олег, подстрахуешь моих до шахты?

– Конечно, – легко согласился сталкер.

– Да чего нас страховать, мы сами не маленькие! – возмутился Сабринов.

– Володя, прекрати! Лишней помощи не бывает. Заканчивайте перекур и выдвигайтесь.

– Это уж точно, в туннеле будет не до перекуров. Сергей Владимирович, а может, мы мотовоз возьмем? Оно побыстрее будет.

– Ни черта вы с мотовоза не увидите, – усмехнулся Натуралист. – Пешком надо, своими ножками. И слушать все как следует. Туннель ошибок не прощает.

– А ты меня не учи, как жить. Я обученный!

– Я, кстати, тоже не согласен, – встрял Федор, не на шутку обеспокоенный поворотом разговора. – Мы и так сюда пешком приперлись, я обратно на своих двоих не собираюсь.

– Да тебя вообще никто не спрашивает!

– Нет, Сабринов, – строго осадил начальник станции задиристого командира поисковой группы. – Мотовоз отправится по заказу, мы и так опаздываем со сроками сдачи. А Ганза задержек не любит.

– Ну и черт с ним! Пошли, мужики.

– Так что стряслось, Сергей Владимирович, кого ищем? – поинтересовался Федор, вытаскивая самокрутку и прикуривая, как только поисковая группа двинулась прочь, прихватив сталкера.

Лосев тоже закурил, огоньки папирос отчетливо проступили в неяром освещении красными светлячками.

– Мальчишка на Семеновской пропал, – выпустив струйку едкого дыма, устало ответил Лосев. – Ты же Гришу Замятина знаешь, на свиноферме работает? Ну, вот его сынишка куда-то делся.

– Да я и Артема хорошо знаю, смысленный пацан... Подождите, что значит «пропал»? Как на наших станциях кто-то может пропасть среди бела дня?!

– Эх, Федор... в том то и дело, что никто не поймет – как. Парню уже десять лет, взрослый, считай, давно работает вместе с отцом. С прошлой ночной смены ушел, а в палатку не вернулся. Говорят, ему еще нездоровилось, знобило, что ли. Хотел отпроситься, да дотерпел. Через некоторое время его отец хватился. Сперва думал, что тот к приятелям завернул, отсиживается где-нибудь да секретничает, как часто бывает, хотел даже уши надрать, чтобы не врал про хворобу. Только сам Гришка тоже устал, поэтому решил не искать. Плюнул и спать пошел. Проснулся вечером – а сына все еще нет. Всех приятелей опросил, всю станцию перетряс, а Артем как растворился, никто и не видел, куда делся. В общем, подняли семеновские люди, отрядили поисковые группы – одну к Партизанской, другую к нам. Начальник их, Скворин, звонил, просил помочь с нашей стороны. Для надежности и экономии времени. А чего ж не помочь ради такого дела, у нас столько лет ничего такого не стряслось.

- Мда... Вот уж, Сергей Владимирович, как говорится – пришла беда, отворяй ворота.
- Ты это к чему?

Федор коротко обрисовал приключение, случившееся с ним и Димкой по пути. Как только речь пошла о паутине и ее жутковатых обитателях, которых они обнаружили в ответвлении туннеля, Лосев заметно напрягся.

– Едрить твою через коромысло! – с обреченностью высказался он. Несмотря на показную бодрость, начстанции выглядел уставшим – видимо, навалившиеся дела и заботы основательно вымотали за рабочий день. А тут еще приходилось решать и ночные проблемы. – Больше ничего кроме этой паутины не видели?

– Пацана уж точно не встречали, – хмыкнул Федор. – Да и как бы он прошел незамеченным оба блокпоста?

– Федя, – тяжело вздохнул Лосев, – а как он незамеченным пропал со станции? Там ведь тоже не раздолбаи на посту дежурят.

– Резонно, – пришлось согласиться Федору. – Хотя и крайне маловероятно. Так я пошел, Сергей Владимирович? Нам с Димкой еще обратно ехать...

- У меня другая мысль, Федор. Сделаем так...

Глава 4. Зачистка

– Глуши мотор!

Заскрипели тормозные колодки. Последний раз лязгнув колесами, мотовоз остановился. Фары, установленные спереди на вертикальной металлической раме, погасли сразу, как только смолк рокот двигателя. В мгновенно наступившей тишине туннель сразу погрузился во тьму, но тут же вспыхнули налобные фонари охранников. Пост как раз сменялся, поэтому Лосев решил не поднимать лишних людей, послав с мотодрезиной Гуляева и Петровича, велел прихватить ранцевый огнемет. Сам Сергей Владимирович, понятно, остался на станции, работа по зачистке – не для начальника, у него и других забот хватало.

– Приехали, – преувеличенно спокойно сообщил Федор, оставаясь на сиденье мотовоза. Луч его ручного фонаря, скользнув по выщербленным временем бетонным стенам тубинга, уперся в темнеющий проем, выхватив часть уходящего вглубь прохода.

– Точно здесь? – каким-то неживым голосом уточнил Вовчик Гуляев.

Димка подумал не без злорадства, что развязной наглости, которую тот демонстрировал на станции, у парня поубавилось. Работая челноком, он привык переносить мрачную и пугающую атмосферу тоннелей без особых последствий для себя, и то иной раз нервы сдавали. Неудивительно, что бравый охранник, не выползавший в туннель дальше привычного поста, чувствовал себя здесь явно не в своей шкуре.

– Помолчи минуту, и сам услышишь, – усмехнулся Димка. – Туннель сам расскажет все, что необходимо, главное, уметь его слушать. А то вы там на постах все, как глухие. Только и знаете, что людей прожекторами слепить.

Гуляев скривился так, словно проглотил гнилой гриб.

– Лучше сам заткнись, Стажер. От твоей дурацкой болтовни голова болит.

– Умолкните оба! Хватит вам уже цапаться. Словно дети малые... – укоризненно вмешался Петрович.

После трескучего двигателя мотовоза привычные звуки туннеля вернулись не сразу. Димка напряженно ждал, когда из темноты послышится жутковатый смех. Но, словно в насмешку над его страхами и опасениями, слышен был только привычный фон – тихий шепот воздуха, слабое потрескивание стен и шорох осыпающихся частичек.

– Что-то твой туннель ни хрена не рассказывает, – раздраженно бросил Вовчик. – Так, ё-мое, я не собираюсь тут сидеть вечность! Делаем работу и убираемся к чертовой матери.

«А не такой уж Гуляев и трус», – невольно признал Димка.

– Я тоже так думаю... – одобительно кивнул Федор. – Лучше сделать и жалеть, чем жалеть, что не сделал. Да и время не резиновое. Действуй, Гуляев.

– Обойдусь без твоих приказов, – огрызнулся охранник.

Честно говоря, у Димки, как и у Федора, определенно не собиравшегося покидать сиденье мотовоза, не было ни малейшего желания снова смотреть на ту мерзость, которую они обнаружили по пути на Электрозаводскую. Но остаться в стороне он не мог. Пусть он и челнок и не его обязанность зачищать туннель, но оружие в руках сын Сотникова умеет держать не хуже других. Да и глядя на пожилого и грузного Петровича, который слез с мотовоза сразу после засуетившегося Вовчика, оставаться наблюдателем ему, молодому, было просто стыдно. Петрович, натужно пыхтя, словно после долгой и утомительной пробежки, помог напарнику надеть и закрепить на спине ранец огнемета. Мечущиеся по стенам туннеля зайчики фонарей, закрепленных на лбах ремнями, повторяли каждое их движение. Собственно, ранец представлял собой трубчатую раму, на которой крепились два металлических баллона – в большом содержалось два десятка литров огнесмеси, в малый закачивался под большим давлением воздух. Большой баллон гибким армированным шлангом соединялся с брандспойтом, похожим

на причудливый длиннорылый пистолет. Весил весь этот «ранец» около тридцати килограммов, поэтому неудивительно, что Петрович взвалил такую тяжесть на молодого напарника, – сам бы он просто не потянул. Ремень автомата Вовчик закинул на шею, оставив его болтаться на груди, а металлическое сопло брандспойта стиснул в руках. Включил работающий от блока батареек калильный воспламенитель и, убедившись, что вольфрамовая нить заалела в темноте на конце брандспойта, ослабил вентиль подачи сжатого воздуха. Все охранники Бауманского Альянса проходили обучение для работы с огнеметами, а любой пост был укомплектован хотя бы одним таким аппаратом – на случай нашествия всякой нечисти вроде крыс или, тьфу-тьфу, чего похуже. И хотя на перегонах Альянса до сих пор было тихо, но береженого, как говорится... Так что Вовчик хоть и заметно нервничал, но действовал вполне уверенно. – Ну, с богом! – обронил Петрович, когда последние приготовления закончились и пора было переходить к делу. Оба охранника осторожно вошли в проход. Петрович держал свой автомат стволом вверх – не хватало еще пальнуть в баллон с огнесмесью, но готов был при необходимости пустить оружие в ход. Втроем в узком проходе было делать нечего, поэтому Димка остался снаружи, собираясь, если что, в любой момент броситься на помощь. Влажные от волнения пальцы уже в который раз скользнули по рычажку предохранителя, проверяя его положение. Для него это давно стало манией. С тех самых пор, как во время злополучного выхода на поверхность автомат отказался стрелять в самый неподходящий момент. Впрочем, Димкиной вины в том не было – в момент нападения шилоклюва, когда Наставник пихнул его на Натуралиста, чтобы убрать с пути твари, предохранитель переключился от случайного удара. Но неприятный факт остается фактом – парень не сообразил проверить, даже в голову не пришло, что такое может случиться. И когда их группа выбралась из подвала бывшей типографии на поверхность, он не смог стрелять, поэтому старшим сталкерам пришлось отдуваться самостоятельно...

Даже сейчас стыд жаркой волной прокатился по лицу от этого позорного воспоминания. Димка тряхнул головой, прогоняя непрошенные и несвоевременные мысли. Да к черту это все! Давно уже это было, никто, кроме него, и не помнит.

Охранники дошли до поворота, и тут же заработал огнемет. Плотная струя пламени ярко и шумно вспыхнула, прожигая тьму куда мощнее любых фонарей... И погасла. Послышалась ругань Гуляева, что-то удивленно сказал Петрович. Затем оба охранника, совершенно спокойно развернувшись к гнезду тварей спинами – у Димки от изумления даже рот открылся, неспешным шагом выбрались обратно в туннель. Из прохода тянуло гарью, резким запахом огнесмеси и теплом. Даже от одного залпа воздух успел ощутимо нагреться.

– Вы че творите? – обеспокоенно окликнул охранников Федор, переводя луч фонаря с одного на другого. – Петрович, жить надоело, что ли? Гуляев известный растяпа, но ты?! Огнемет сдох, так спинами-то зачем поворачиваться?

– Огнемет в порядке, Федь, – вполне миролюбиво пояснил Петрович, помогая напарнику скинуть тяжелую раму с баллонами со спины.

– Да не было там ничего, кроме паутины! – буркнул Гуляев.

– Что значит «не было»? – недоверчиво переспросил Федор, переглянувшись с Димкой.

– А то и значит! Просто паутина и ничего больше! Я для профилактики пальнул, чтобы всяким недоумкам в следующий раз со страху невесть что не мерещилось! Видал я ссыкунов, ё-мое, но чтоб таких...

– Ты поаккуратнее с выражениями, – Димка неприязненно насупил.

– А то что? Что?!

– Тихо, тихо, Вовка, тихо, – успокаивающе встрял Петрович. Вдвоем охранники в четыре руки аккуратно водрузили огнемет на грузовую площадку мотовоза. – Ну, показалось людям, так лучше перебдеть, чем недобдеть...

– Да я уже спать давно должен, а не по перегону шастать! – Гуляев зло сплюнул. – Все, везите нас обратно!

– Остынь, Владимир, – посуровевшим голосом осадил парня Федор, которому в кои-то веки расхотелось острить. – А ты, Петрович, стыдись: ведешься на пустую болтовню, как малолетний. Не могло нам показаться обоим сразу. Ты-то хоть это должен понимать.

– Тогда куда они делись? – со вздохом поинтересовался пожилой охранник.

– Может, смылись? – неуверенно предположил Димка. Ситуация и в самом деле получалась дурацкой. – Не стали ждать, когда мы их поджарим?

– Хочешь сказать, они знали, что мы едем их поджаривать? – Гуляев презрительно осклабился в ответ на такое предположение. – Стажер, да ты, никак, сушеных грибов обжарился.

Димка снова молча проглотил ненавистного «стажера». Реагировать на такие дешевые выпады – все равно что собак дразнить. Он давно решил для себя, что вестись на такое не станет.

– Ша, успокоились все. – Петрович взобрался на площадку мотовоза и, кряхтя, уселся поудобнее. – Что дальше решим? Будем искать или возвращаемся?

– Не было приказа искать, – буркнул Гуляев, которого перспектива поисков совсем не обрадовала – как, впрочем, и остальных.

– Извини, Петрович, но приказа доставить вас обратно я тоже не получал, – покачал головой Федор. – Мы и так уйму времени потеряли, нам с заказом нужно спешить. Так что есть только два варианта – или вы топаете обратно на своих двоих, или едете дальше с нами. Остаток ночи отдохнете в гостевой палатке на Бауманской, а утром уедете на мотовозах рабочих. Наше начальство по-любому утром пошлет нормальную команду по зачистке, так что бросайте вы это дело. Я уже и сам не рад, что пришлось втянуть вас в эту затею, но кто ж знал, что Лосев решит перестраховаться на ночь глядя.

Подумав, оба охранника согласились со вторым вариантом. При этом Гуляев не преминул грязно выругаться, впрочем, его ругань утонула в трескотне заработавшего двигателя. Вспыхнувшие фары разогнали тьму впереди на два десятка метров, лягнули сцепки тормозов, и мотовоз двинулся в путь. Привычный шепот туннеля отступил, сдавшись под натиском шума, издаваемого человеческим творением – двигателем внутреннего сгорания. Разговоры сами собой затихли.

* * *

Машинально считая мелькавшие светлячки редких путевых фонарей на стене тубинга, Димка мрачно размышлял, что, в отличие от охранников, им с Федором вряд ли придется спать в ближайшее время. Половина ночи уже пролетела в пути да хлопотах, еще часть пройдет, пока доберутся до Бауманской. Минут двадцать уйдет на погрузку – всегда есть чем заполнить мотовоз, слишком дорогое это удовольствие – жечь топливо порожняком. Даже если не придется участвовать в погрузке самим, за двадцать минут не выспишься. Потом дальше в путь. Аккурат к утру будут на Курской, разгрузка, сдача-прием мотовоза, небольшой отдых – и обратно. Пешком. Привычный, набивший оскомину маршрут. Как крысы в клетке, от стенки до стенки, а воздух свободы можешь вдыхать через прутья решетки...

Спать хотелось зверски. Возбуждение медленно, но верно спадало, а усталость не дремала – быстро отвоевывала позиции. Под мерный рокот мотовоза мысли текли все медленнее. Димка боролся с подступающей сонливостью, понимая, что уснуть сейчас – хуже не придумаешь. Скорость у мотовоза хоть и небольшая, но при падении можно и шею свернуть или переломать кости под массивными стальными колесами.

О тварях думать не хотелось. Хватит уже, пощекотали сегодня нервы. Пропали, и черт с ними, главное, что начальство предупреждено, есть кому заняться проблемой. «Господи, ну что за жизнь...» Димка тоскливо вздохнул, машинально поправляя на коленях вечно сползающий автомат, поерзал. Ожесточенно протер так и норовившие сомкнуться глаза. Неужели

та жизнь, до Катаклизма, о которой он прочитал столько книг в библиотеке Бауманки, так и останется для него несбыточной сказкой?

«Да! – ответил он сам себе, раздраженно стиснув зубы. К чему неосуществимые мечты? Люди сами себя навсегда похоронили под землей, и путь на поверхность открыт только немногим избранным. Сталкерам, к которым он так и не смог себя причислить. – Проклятая жизнь... Проклятый Натуралист... угораздило его тогда отстать... Проклятая усталость... Что ж хреново-то так на душе, хоть застрелись с тоски...»

Димка знал способ, который нередко помогал ему встряхнуться. Не без усилия, преодолевая вялость мышц, он поднес к лицу покалеченную кисть правой руки, разглядывая ее в неверном свете очередного промелькнувшего фонаря.

Всплеск злости, хоть и несильный, все же отчасти прогнал сонливость, заставив встряхнуться, прийти в себя. Димка вдруг обнаружил, что его тело кренится вбок и вперед, еще немного, и он рухнет на скрытые мраком шпалы. И тут же по нервам ударил страх. Инстинкт самосохранения заставил резко отдернуться от края: он ведь и впрямь почти заснул, едва не оказавшись под колесами. А еще неожиданно выяснилось, что мотовоз едва плетется, все больше сбавляя обороты.

Парень непонимающе оглянулся на своих попутчиков и вдруг с ужасом понял, что управлять движением машины некому. Федор и Петрович, прислонившись друг к другу спинами, сидели, свесив головы, а Гуляев так и вовсе разлегся на боку за спиной у Димки. Все трое спали. Не должны были, но все-таки спали.

Громко чихнув несколько раз подряд, двигатель смолк. Свет фар погас, и чернильная тьма мгновенно окутала мотовоз с людьми. Прокатившись по инерции еще десяток метров, мотовоз остановился. Ни впереди, ни сзади не виднелось и отблеска света – путевые фонари куда-то сгинули самым загадочным и зловещим образом. Тьма казалась настолько плотной, что Димка почувствовал, что ему и в самом деле тяжело дышать, словно она стала вещественной, вязкой, как смола.

«Я тоже сплю, – как-то отстраненно, словно не о себе, подумал Димка. – На самом деле мы едем дальше, а мне просто снится очередной кошмар, к каким я уже почти привык за последний год этой паршивой и бессмысленной жизни. Кстати, это легко проверить: во сне нельзя умереть».

Он медленно поднял автомат непослушными руками, поставил его прикладом на колени, сдвинул предохранитель на одиночный огонь. Холодный край ствола уперся под подбородок, глубоко продавливая кожу жесткими гранями. «Никакой боли. Только легкий, почти неосязаемый холод стали. Точно сон». Указательный палец левой руки лег на курок, отполированный тысячами прикосновений тех, кто владел автоматом до него. Это ведь так несложно – нажать...

Откуда-то донесся тоненький неестественный смех. настолько близко, словно некое создание стояло прямо напротив его лица, глядя в глаза, и ждало, пока человек нажмет на курок.

В самый последний момент Димка успел отдернуть ствол в сторону.

Оглушительный выстрел рванул тишину не хуже гранаты, наваждение слетело. Эхо от выстрела еще гуляло по туннелю, а Димка уже будил попутчиков, тормозил их за плечи, толкал в спины. От вспышки перед глазами плавали цветные пятна, а в ушах звенело. Похватав оружие, люди ошалело озирались по сторонам. Вспыхнули лучи налобных фонарей охранников, выключенные во время поездки для экономии заряда батарей, – света фар мотовоза для дороги вполне хватало. Но не сейчас, когда мотовоз заглох. Федор тоже отыскал и зажег свой фонарь, скользнув лучом по выщербленным бетонным стенам, покрытым пылью и паутиной. Обычной паутиной.

– Кто стрелял?! – заполошно крикнул Гуляев.

– Я, – Димка потряс головой, пытаясь избавиться от звона в ушах, но у него ничего не вышло. – Все очнулись?

– Что происходит, ребята? – подал взволнованный голос Петрович. – Почему стоим? А... Господи, а вода-то откуда?! Никак туннель заливает?!

– Какая вода? – Федор наклонился, посветил фонариком вниз. – Ты что, Петрович, нет никакой воды, только туман. Правда, плотный, как кисель, никогда такого не видел.

– Вы что, оба грибов обкурились? – Вовка Гуляев, тоже глянув вниз, обвел обоих спутников не на шутку испуганным взглядом. – Какая вода? Какой туман? Здесь только гравий... – он запнулся, присматриваясь внимательнее. – Вот ё-мое... А рельсы-то куда делись?

Тихий металлический смех, прозвучавший в наступившей мертвой паузе, всколыхнул воздух, запуская в души людей липкие щупальца страха.

Димка перехватил автомат поудобнее и упрямо сжал зубы. «Да хватит уже бояться! – с каким-то остервенением подумал он. – Вся жизнь и так переполнена самыми разными страхами, большими и малыми, реальными и надуманными... Хватит! Устал! Чему быть, того не миновать, но этим смеющимся тварям я живым не дам. И даже больше – сам не дам им покоя!»

В этот момент Димка ощутил жгучую ненависть, следом за которой пришло понимание: все мутанты – естественные враги человека. Они, они во всем виноваты! Не Натуралист, не сам Димка, не отпустивший его на поверхность, а потом отлучивший от себя отец. Нет.

Мутанты. То чудище, что напало на группу Натуралиста в тот день наверху, в городе. Эти смеющиеся отродья, заманивающие их в свои сети. И десятки, сотни других тварей.

Они с людьми вместе существовать не могут – они и в этот мир-то пришли, чтобы человека выжить, сожрать, занять его место. Чтобы Димке жизнь изувечить, а потом прикончить его, изуродованного...

Подавятся.

Покуда жив сам, он при малейшей возможности будет преследовать и уничтожать эту нечисть, мешающую людям не только выйти обратно на поверхность, в свой исконный мир, но и все больше заполняющую метро, последнее убежище и оплот человека. Решение зажглось в его душе, словно путеводный огонек, вернувший хоть какой-то смысл его пропащей, искалеченной жизни.

Покрепче перехватив автомат за цевье, он спрыгнул на обочину пути. Подошвы ботинок с громким шорохом вдавились в гравий.

– Это морок, – тихо, но твердо сказал Димка. – Ничего этого нет. Федь, помнишь, по пути на Электрозаводскую мы слышали смех дважды? И второе место было там, где я чуть не заснул? Так вот, я не засыпал, Федь. Это все морок. Тут где-то второе гнездо. И я уже знаю где.

– И где же?

– Ты сам посмотри, куда светишь.

В пятне случайно остановившегося фонаря Федора обозначилась облезлая, вся в ржавых пятнах и клочьях шелушащейся краски металлическая дверь, запертая снаружи на засов. Отсутствие замков означало, что помещение за этой дверью заброшено и заперта она не от тех, кто может проникнуть в помещение из туннеля, а так, для порядка. Мотовоз стоял как раз напротив.

– Федь, ведь кабельно-вентиляционный коллектор тянется за стенами вдоль всего перегона, так?

– Понял твою мысль, – задумчиво кивнул Кротов, машинально поправляя очки. – Значит, это тварье не просто сбежало, когда мы собрались их жечь, а подалось к другому гнезду... которое может быть где угодно.

– Они здесь, – уверенно сказал Димка, не сводя глаз с двери. – Морок. Смех. Все сходится. Они пытаются заморочить нам голову, чтобы... Они опаснее, чем мы думали.

– Вашу мать, да о чем вы тут бормочете?! – срывающимся голосом встрял Гуляев, которого рассуждения окончательно сбили столку. – Я тут что, один не спятил? Да чего мы стоим, поехали уже дальше!

– Слезай, Гуляев. Пора сделать работу, для которой вас Лосев посылал, – Димка схватил долговязого охранника за ворот куртки и рывком сдернул вниз.

– Ты что, совсем охре...

– Заткнись, сука! – прошипел ему в лицо Димка с такой силой, что охранник испуганно отшатнулся. – Выполний, что сказано! Твоя задача – держать дверь под прицелом. Федор, дробовик тебе, думаю, не поможет. Надевай огнемёт, а то наш бравый вояка сейчас в штаны наложит. Петрович, помоги ему. Быстрее!

Восемнадцатилетний парень отдавал приказы спокойно и уверенно, словно занимался этим всю свою сознательную жизнь. И как ни странно, совершенно дезориентированные и напуганные старшие его послушались.

Справились со снаряжением огнемёта быстро. Как только все было готово, Димка, прислушиваясь к каждому подозрительному звуку, медленно приблизился к двери и потянул задвижку засова. Проржавевший металл, который не тревожили годами, даже не шелохнулся. Недолго думая, Димка размахнулся и врезал по засову прикладом автомата. Раздался гулкий удар, посыпалась ржавчина, но задвижка сдвинулась с места. Еще удар. Конец задвижки выскочил из запирающей петли. Командовать Федором не пришлось, тот уже стоял напротив двери, направив на нее брандспойт. Кротов предусмотрительно натянул на лицо респиратор, прилагавшийся в комплекте к огнемёту, и включил сразу заалевший на конце сопла накаливатель, чтобы мгновенно воспламенить горючую жидкость. Петрович и Гуляев, не сговариваясь, встали по бокам, держа на изготовку автоматы. Димка удовлетворенно кивнул – могут же, когда захотят. Было подозрительно тихо. Ни смеха, ни шорохов. Может, он и ошибся в своих выводах, но правильно ожидать худшего. Удерживая автомат здоровой рукой, Димка потянулся покалеченными пальцами к дверной ручке, ухватился покрепче. Пальцы слушались до отвратности плохо. Говорил же ему Семен Михайлович, доктор, – разрабатывай пальцы, Дима, и со временем начнут слушаться. Так нет же – трудно, больно, лениво... Потом. Все посторонние мысли – потом. Будет лучше, если получится с первого же раза, поэтому придется дернуть изо всех сил... От мощного рывка, едва не вывернувшего руку из плечевого сустава, дверь с пронзительным скрежетом распахнулась. Димка отскочил, освобождая сектор для огня, вскинул автомат уже обеими руками. Лучи фонарей охранников прошли сквозь темный проем и уперлись в какую-то темную шевелящуюся массу. У Димки, хотя он и готовился увидеть все что угодно, все же перехватило дыхание, а зябкий озноб ледяной змейкой пополз по спине. Скелеты крыс. Много скелетов, десятки, если не сотни. Развешанные, словно грибы на леске для просушки, на шевелящихся от движения воздуха пластах паутины. Паутины, которая заполняла все помещение от пола до потолка, от стены до стены. Когтистые лапки, высушенные ребра, обглоданные черепа – глядящие пустыми глазницами и словно разевающие зубастые челюсти в безмолвном крике. И один скелет покрупнее, покачивающийся в паутине в самом низу, у пола, видимо, из-за своей тяжести. То ли собаки, то ли еще какого-то крупного животного, попавшего в силки хохотунов. А на полу, словно буйные поросли неведомой плесени, – целые холмы из содранных со скелетов крысиных шкур.

И ни одной из тех юрких тварей, которых они видели в первом гнезде. Ни тени. Ни характерного юркого движения. Сбежали или затаились? Сейчас все выяснится.

– Феть... – почему-то понизив голос, окликнул Димка.

– Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас, – не сводя глаз с паутины, пробормотал Федор под нос, словно заставляя себя решиться.

– Жги! – окриком подтолкнул его Димка.

Кротов шагнул вперед, и огнем в его руках взревел, швырнув в помещение яркий беснующийся поток огня. Паутина вспыхнула сразу и вся, крысиные скелетики, враз освобожденные от сдерживающих пут, так и посыпались вниз. Жар раскаленного воздуха и густой смрад паленой крысиной шерсти рекой хлынули наружу, заставив охранников отступить к мотовозу, прикрывая лица рукавами курток. Струя ревущего пламени бесновалась около минуты, пока в баллоне не кончилась горючка, а когда она погасла, все помещение было выжжено дотла. Обугленные стены дымились, на полу тлел толстый слой пепла и остатки каких-то вещей, когда-то забытых или брошенных здесь. Жар стоял такой, что рассмотреть что-либо было невозможно.

Заслоняя лицо рукавом, Димка захлопнул раскалившуюся дверь, чтобы перекрыть жару дорогу, и прикладом автомата вбил задвижку засова на место. Он был уверен: ни одну тварь они так и не достали, но надеялся, что зачистка логова отучит эти порождения тьмы соваться в туннели Альянса.

До станции они добрались уже без происшествий. Впрочем, приключениями и так все были сыты по горло. Нервное напряжение еще гоняло адреналин по крови, но хотелось только одного – отдохнуть. Заглушив мотовоз, все четверо выбрались на платформу и отправились на доклад к начальству.

Глава 5. Тревожная поездка

До Сотникова добраться не удалось: по пути к административному сектору их группу перехватил Каданцев, выскочивший навстречу из-за палаток административного сектора, как чертик из табакерки. Охранники с Электrozаводской от его цепкого, внимательного взгляда сразу оробели – одним своим суровым видом и властными манерами заместитель главы Бауманского Альянса мог заставить почувствовать себя неуверенно кого угодно. Но они его сейчас не интересовали. Каданцев сразу сердито напустился на Кротова:

– Где вас черти носят? Сколько можно ждать?! Мотовоз доставили?

– Конечно, Альберт Георгиевич, куда он де...

– Меньше слов, – властным взмахом руки Каданцев прервал объяснения. – Разворачивайтесь – и на погрузку, ящики с патронами в цехе. Охранник выдаст, я предупредил. Вы двое, вас это тоже касается. Огнемёт пока оставите там, утром заберете. Нечего таскать по станции опасное оборудование.

Петрович с Гуляевым, снова подхватив за раму ранец огнемёта, поставленного во время разговора на пол, торопливым шагом ретировались в указанном направлении, подальше от начальственного ока, справедливо посчитав, что Федор и сам сообщил о зачистке все, что необходимо.

– Альберт Георгиевич, да огнемёт вообще-то разряжен, – Федор хмыкнул. Вечный шутник и раздолбай, он, в силу характера, не испытывал перед Каданцевым такого трепета, как охранники. А на попытки его урезонить и воззвать к совести нередко отвечал своей коронной фразой – что в метро существует слишком много причин для смерти, чтобы умирать еще и от скромности. – Тут кое-что случилось по дороге...

– Я в курсе, Лосев звонил. Дмитрий, что с рукой? Ранен?

Каданцев бесцеремонно, с недюжинной для такого худощавого человека силой задрал Димке левый локоть. Тот удивленно охнул: рукав куртки от локтя до манжеты оказался темным от пропитавшей ткань крови.

– Ёханный бабай, где это тебя? Когда?! – Федор удивился не меньше самого Димки. – Да уж, не бывает так плохо, чтобы не могло быть еще хуже.

Поняв по растерянному и озадаченному взгляду парня, что тот и сам не понимает, как это случилось, Каданцев подстегнул к действию Федора:

– Кротов, не стой столбом! И так на два часа задержались. За работу!

– Да я уже исчез! – Федор быстрым шагом двинул в заданном начальством направлении.

– Сам проверься, не зацепило ли где, – бросил вдогонку Каданцев, – и охламонам с Электrozаводской скажи. Если что не так, мигом к доктору.

– Понял, понял я, Альберт Георгиевич!

– Дмитрий, за мной. Раз на ногах держишься, значит, ничего страшного.

Димка покорно отправился с Каданцевым, привычно придерживая рукой сползающий с плеча ремень автомата и мрачно размышляя, когда это его угораздило зацепить руку, и главное – чем. Самое странное, что рана, если, конечно, там рана, а не царапина, его не беспокоила. Не выветрился адреналин из крови? Рука сгибалась и разгибалась нормально, он специально проверил, пока шагал за Каданцевым, – никаких болезненных ощущений. Может, это и не его кровь вовсе? Тогда чья? Бред какой-то! Парень отлично помнил, что с того момента, как они спрыгнули с мотовоза и выжгли к чертовой матери гнездо этих мерзких хохотунчиков, ни одна тварь до них не добралась. Может, зацепил за что-нибудь на самом мотовозе, пока ехали? Там полно острых углов. Тогда почему нет боли? Бесплодные размышления явно пошли по кругу, и Димка мысленно плюнул, сворачивая за Каданцевым к палаткам административного сектора. Каданцев... Интересный мужик. Сколько Димка помнил заместителя отца, а помнил он его

с того момента, как появился на Бауманской, тот всегда относился к нему... как бы это выразить... ровно, что ли? Несмотря на то что пацан был усыновлен самим Сотниковым, Димка никогда не ходил у Каданцева в любимчиках, Альберт Георгиевич относился к нему так же требовательно, как и ко всем остальным. Требовательно – но и справедливо. Всегда разберется, что к чему, прежде чем принимать меры, и за проступок спустит шкуру без всяких поблажек и снисхождений. Ну а после этой паршивой истории, когда Димка вернулся несостоявшимся сталкером, да еще и калеккой, когда приятели, прежде завидовавшие ему, теперь за напускным сочувствием прятали снисходительную усмешку при встрече, Каданцев, пожалуй, остался единственным, кто не изменил своего отношения к парню. Именно за это Димка и был ему благодарен. Когда он вслед за Каданцевым вошел в просторную санитарную палатку, дежуривший этой ночью врач бодрствовал за столиком в углу, спиной к четырем пустующим койкам. Рядом стояла металлическая этажерка, полки которой были забиты медицинской литературой. Часть книг нашли и принесли сталкеры с поверхности Бауманской, что-то было выручено на бартер у браминов с Полиса, что-то привозили на продажу заезжие челноки – за пару десятков лет скопилось хорошая врачебная библиотечка. Доктору, Семену Натановичу Брамцу, было уже далеко за семьдесят. Этот сухонький, седовласый старикан с вечно усталым морщинистым лицом, крайне медлительный в движениях, все еще отлично знал свое дело. Свет яркой электрической лампочки отражался в широкой плечи, обрамленной короткими седыми волосами, борода клинышком двигалась вместе с подбородком – читая, доктор что-то беззвучно проговаривал про себя. В дневное время с ним непременно дежурила одна из двух положенных по штату медсестер, но сейчас он полуночищал один. Сердобольный старик наверняка отпустил девушку на боковую, как это обычно и делал в спокойные дни. Собственно, пока нет больных, и сам Семен Натанович мог спокойно спать, правилами это не возбранялось: кроме него на Бауманской работали еще два опытных врача, всегда есть, кем подменить. Но Брамц – человек старой закалки, и понятие ответственности не было для него пустым звуком. Дежурство – значит дежурство. Из кружки, стоявшей на столе рядом с книгой, тянуло характерным терпким запахом грибного чая – широко известного на все метро продукта с ВДНХ.

– Не спишь еще, товарищ доктор?

– Стариковская бессонница, Альберт Георгиевич. – Погруженный в чтение, доктор не сразу среагировал на появление в палатке гостей. Отодвинул книгу, с любопытством повернулся к вошедшим. – По делу или просто на огонек? А, здравствуй, Дима.

– Осмотри пациента, Семен Натанович.

Увидев на одежде парня пятна крови, Брамц сразу засуетился. Заставил сбросить рюкзак, усадил на койку поближе к шкафчику с инструментами и перевязочными материалами, ловко закатал ему рукав выше локтя. Прищурился, оценивая характер повреждения. Каданцев расположился рядом, облокотившись на шкафчик и тоже внимательно рассматривая совсем небольшую, но непрерывно и обильно кровоточащую ранку чуть ниже локтя на руке парня.

– Вот зараза! – вырвалось у Димки при виде ранки. Даже как-то нехорошо стало.

– Укус? Плохо, плохо, батенька, – обеспокоенно проворчал доктор. – Никогда не знаешь, какая зараза с укусом может попасть в кровь. Очень, очень плохо. Болит?

– Нет, Семен Натанович. В том-то и дело, что не болит, я сам бы еще не скоро заметил, что весь рукав выпачкал, если бы не Альберт Георгиевич.

– А руку чувствуешь?

– Руку чувствую, а рану – нет... Семен Натанович, а почему столько крови?

– Просто не сворачивается, батенька, – пояснил доктор, профессионально принимаясь за дело. Тщательно обработав участок поврежденной кожи спиртом, он наложил тампон с какой-то резко пахнущей мазью и принялся медленными стариковскими движениями бинтовать руку. – Не знаю, что за тварь тебя покусала, но в рану явно попали анестезирующие и антикоагулирующие ферменты. Это такие вещества, мой юный друг, которые обезболивают

место укуса и препятствуют сворачиванию крови. А это значит, что животное, которое тебя укусило, – возможно, вампир по сути. Странно увидеть такое у нас, если честно. Я читал только об одном виде таких животных – вампировые летучие мыши, но они водятся... водились, – поправился доктор, – в Мексике. – Эти мыши питались исключительно свежей кровью млекопитающих и обычно кусали спящее животное или человека во сне.

Димка зябко поежился. Он уже догадался, когда это могло произойти. Да так, что он и не заметил. Само слово «вампир» звучало для него довольно омерзительно и даже пугающе. Он вдруг сообразил, что, не очнись тогда от наведенного дурмана, и кто знает? Не исключено, чтостая таких тварей могла высушить их там всех досуха. Да уж, ну и ночь... Как любит повторять Федор, если какая-нибудь неприятность может случиться, она рано или поздно непременно случается. Так что расслабляться в этих «безопасных» перегонах больше никому не придется.

– Кстати, кровотечение после такого укуса может продолжаться несколько часов, – добавил доктор. – Так что, батенька, вот тебе «Викасол», и больше никаких активных движений на сегодня, давай-ка на боковую.

– «Викасол»? – переспросил Димка, подозрительно уставившись на протянутую доктором таблетку.

– Это препарат такой, Дима, повышает свертываемость крови, – успокаивающе пояснил доктор, заставляя проглотить таблетку и запить водой из поданного стакана. – Альберт Георгиевич, мальчика ведь можно кем-то заменить, он же явно на работе сейчас, так?

– Понял я тебя, Семен Натанович. Дмитрий, как это произошло? Выкладывай, что у вас там стряслось на перегоне.

Что-то, а вопросы Каданцев задавать умел. Пока доктор заканчивал перевязку и вкалывал ему в руку какую-то обеззараживающую хрень, Каданцев выжал из Димки все, что тот знал и видел.

– Что же за страсти такие творятся, – сокрушенно покачал головой доктор, на которого рассказ тоже произвел впечатление.

– Разберемся, – предельно спокойно сказал Каданцев, не спуская внимательного взгляда с парня. – Ты как себя чувствуешь, орел?

Димка прислушался к внутренним ощущениям, но ничего особенного не почувствовал. Интересно, хорошо это или плохо?

– Да вроде нормально... устал немного, и все. Альберт Георгиевич, а Лосев не говорил, мальчишку с Семеновской нашли?

– Найдут, не беспокойся. Остаешься здесь, под присмотром доктора.

– А поездка? – Димка неуверенно поднялся. – Я же должен...

– Обойдемся без тебя. Сказал отдыхать – значит, отдыхать. Приведешь руку в порядок, вернешься к работе.

И Каданцев вылетел из палатки.

«Не человек, а просто какой-то ураган», – не без восхищения подумал Димка, снова присаживаясь на койку.

Об ураганах он читал в книжках, и заместитель отца частенько напоминал ему непреодолимое стихийное бедствие, настолько энергичной и целеустремленной натурой обладал этот человек...

Может, и хорошо, что Каданцев оставил его на попечение доктора. Нет, никаких проблем со здоровьем Димка действительно не ощущал, чувствовал себя, как обычно, вот только жуткая, изматывающая усталость одолевала все сильнее... Под веки словно песок насыпали, мышцы молят об отдыхе, тело так и норовит куда-нибудь прилечь самостоятельно, а взгляд так и шарит, выбирая местечко для отдыха поудобнее. И спохватываясь, лишь усилием воли заставляешь себя держаться. Каданцев сам сообщит Федору, что нужно, так что к мотовозу

можно не возвращаться. И еще очень хотелось, чтобы кошмары наконец оставили его в покое. Впрочем, он так устал, что и на кошмары уже было наплевать...

– Что-то ты совсем раскис, батенька, – обеспокоился доктор, заглядывая парню в лицо и видя, как у того сами собой смыкаются глаза. – Давай-ка, ложись, эта койка ничем не хуже других, незачем выбирать. Утром сделаем тебе перевязку, а сейчас отдыхай. Замучили тебя супостаты этими перегонами, вижу же, как мотаешься из конца в конец. Пальцы хоть разрабатываешь, как я тебя просил? Нет? Впрочем, что же это я, все потом, потом...

– Семен Натанович... – Димка через силу поднялся. – Я только в душевую забегу, рукав застираю, а то потом кровь ничем не отмоешь...

– Да что ты! Я сейчас медсестру подниму, она все сделает, а ты ложись, ложись...

– Нет, я сам.

– Очень уж ты самостоятельный, Дима, – с легким осуждением проворчал доктор. – Ладно, одна нога здесь, другая там.

– Я быстро.

* * *

Димка торопливо вышел из палатки, не глядя свернул по перрону в сторону душевой, располагавшейся недалеко от путей, в подсобном помещении. Столько раз уже все тут было хожено-перехожено, что ноги сами несли в нужном направлении. Дорогу в любое помещение можно отыскать с закрытыми глазами, особенно если учесть, что ночью на перроне и так царит полумрак. Несмотря на шум, который они подняли в туннеле, выжигая гнездо с нечистью, здесь по-прежнему было тихо – люди спали, восстанавливая силы к дневной смене. Да и вряд ли сюда хоть что-то донеслось, все-таки огнеметом они орудовали далеко.

До слуха долетели отдаленные голоса, размытые пустотным эхом станции. Где-то там, за краем кирпичной коробки, окружавшей цеховой участок перрона, кто-то явно разговаривал на повышенных тонах. Димка невольно остановился и обернулся, вслушиваясь. Но ничего разобрать не смог и, немного подумав, с заметным усилием двинулся к путям. Судя по направлению, какие-то разборки происходили возле мотовоза, который сейчас должны были грузить перед отправкой в Ганзу. С одной стороны, вроде бы его это и не касалось, хотелось наконец рухнуть и заснуть, а там хоть пожар, хоть потоп, хоть нашествие крыс. А с другой, проклятое чувство долга мешало полностью отрешиться от всех проблем. Ведь работа не сделана, Кротов остался без напарника, и Димка чувствовал, что как-то неправильно оставлять его одного после насыщенной событиями и опасностями ночи. Неизвестно еще, кого Федору дадут в новые напарники, вдруг попадется раздолбай вроде Гуляева, который совершенно не умеет слушать туннели? Опыт ничем не заменишь, он приходит со временем. А туннели нынче вдруг перестали быть безопасными.

Он вышел из-за угла пилона и остановился как вкопанный.

Тихо тархтевший на холостых оборотах мотовоз уже был готов к отправке, вот только никакого груза на нем не было. Видимо, все переиграли в последний момент, и теперь к Курской отправлялся не груз, а пассажир. Точнее, пассажирка – Наташа Сотникова, его сводная сестренка, уже сидела на мотовозе, а трое мужчин – Федор, Каданцев и сам Сотников, уже закончив начавшийся без Димки спор, теперь негромко договаривали какие-то детали.

«Какого черта? – оторопело подумал Димка. – Почему меня никто не предупредил? Что за срочность такая и куда это отец решил отправить сестренку? С каких пор семейные проблемы перестали меня касаться?» Голова сейчас варила неважно, но он хоть и с трудом, но вспомнил, что вроде еще месяца два назад шли разговоры о том, чтобы направить Наташу на обучение и стажировку к опытным медикам в Ганзу. Старенькому доктору Бауманской давно уже требовалась квалифицированная смена, а у дочери Сотникова имелись задатки

стать хорошим медиком. Но почему сейчас, ночью?! Что за спешка? Ведь туннели... туннели ночью, когда по ним затихает всякое движение, всегда намного опаснее, чем днем. Особенно теперь, когда на перегоне между Бауманской и Электрозаводской обнаружили эту хихикающую пакость...

Сонливость слетела мигом. Димка развернулся, бросился к санитарной палатке, влетел в нее, как ветер. Ничего не объясняя ошеломленному устроенным переполохом доктору, похватал свое имущество и рванул обратно, опасаясь только одного – что не успеет и мотовоз отправится без него.

Успел.

Каданцев и Федор тоже уже устроились на мотовозе, собираясь трогаться, а Сотников двинулся было к лестнице, ведущей на перрон, когда Димка, прыгнув на пути, подбежал к мотовозу.

– Дмитрий, что ты здесь делаешь? – строгий голос Каданцева хлестнул, словно плетью, хотя он говорил довольно спокойно. – Тебе доктор велел лежать, а ты что творишь? Сказал же, без тебя обойдемся!

Не обращая внимания на выговор, Димка прошмыгнул мимо окинувшего его хмурым взглядом Сотникова, вскочил на подножку мотовоза и плюхнулся на свободное место рядом с Федором. Каданцев и Наташа оказались с другой стороны, спинами к нему. Бросил рядом рюкзак, автомат прижал к ногам. Короткая пробежка заставила запыхаться, в голове шумело от прилива крови, а край перрона перед глазами как-то странно раскачивался. Черт возьми, чем это его доктор накачал? Или это просто от усталости?

Отец с ним давно уже по-человечески не разговаривал, при виде приемного сына сразу замыкался, делая вид, будто перед ним чужой человек. И сейчас он не сделал исключения.

– Сам слезешь или охрану позвать? – ледяным тоном спросил Сотников. – Опять на геройство потянуло?

– Это мой рейс, – упрямо ответил Димка, опустив взгляд и злясь, что не может заставить себя взглянуть в глаза отцу.

Он не виноват, что тогда, во время выхода на поверхность, все так получилось, но отчужденное отношение Михаила Григорьевича давило на него, заставляло чувствовать совершенно никчемным недоумком, не способным ложку ко рту поднести без посторонней помощи. А ведь это неправда. Он не заслужил такого отношения! И ладно бы еще кто-то посторонний. Но отец... Больно это переносить.

– Михаил Григорьевич, пусть едет, – спокойным тоном вступился Каданцев. – Так даже надежнее. Наши челноки сегодня неплохо поработали в туннеле, не дай бог, конечно, но если что вдруг, то их опыт может пригодиться.

– Тебе виднее, Альберт, – сухо кивнул Сотников. – Все, удачи!

Резко развернувшись, глава Бауманского Альянса быстрым шагом отправился прочь. Но даже его спина, казалось, выражает недовольство. Интересно, о чем они тут спорили? Не часто можно увидеть, чтобы Сотников не сошелся во взглядах с Каданцевым, – за столько лет, работая бок о бок, они давно крепко сдружились и научились понимать друг друга с полуслова. Вдобавок Сотников даже не стал прощаться с дочерью, это показалось Димке странным. Или уже попрощался до его прихода?

– Ладно, дорога не ждет, – устало буркнул Федор, на удивление не выдав ни одной из своих коронных фраз – беспокойная ночь измотала и его.

Кротов запустил двигатель, и мотовоз, медленно набирая ход, покатиł вперед, наматывая на колеса залитые светом фар блестящие полосы рельс.

Лишь тогда Димка облегченно выдохнул. Все. Теперь надо успокоиться и сосредоточиться на пути.

От Бауманской до Курской перегон почти вдвое длиннее, чем до Электрозаводской, притом он еще и изгибается вдобавок, словно гигантская змея. Именно поэтому этот перегон охраняют сразу три хорошо укрепленных поста: первый на границе станции, сразу за платформой, они его как раз проезжали сейчас, провожаемые внимательными взглядами охранников, второй – в глубине перегона, перед гермозатвором, а третий – за двести метров до Курской. Вряд ли людям на мотовозе здесь что-то могло угрожать на самом деле...

Неважно. Главное, что сейчас он рядом с ней, с Наташкой. На станции ведь это не удавалось. Постоянно нежеланные свидетели, не говоря уже о неприязненном отношении отца. А сейчас он может хоть недолго побыть с девушкой рядом, никто и слова не скажет. Димке даже почудилось, что он боком чувствует тепло, исходящее от сестры, но это, конечно, только показалось. Странно только, что девушка даже не обернулась, не посмотрела в его сторону, да и вообще никак не отреагировала ни на разговоры окружающих, ни на голос самого Димки. Так и сидела, опустив плечи, как-то сжавшись, словно озябла, и ни на что не обращала внимания. «Наверное, это спросонья, – решил Димка. – Подняли девчонку посреди ночи, вот теперь и спит Наташка сидя...

Сестра всегда была соней, если, не дай бог, ее приходилось будить ночью, потом весь день ходила как вареная.

У них с Наташкой всегда были очень теплые отношения. Сколько себя помнил, Димка всегда защищал ее от любых обидчиков, был для нее настоящим старшим братом. А позже, когда оба повзрослели, симпатия начала перерастать во что-то большее, но после случая, перечеркнувшего жизнь приемыша и превратившего его в калеку, тень отчуждения пробежала и между ними...

Он первым стал сторониться разговоров с Наташей. Ему постоянно казалось, что все кругом смотрят на него осуждающе, едва завидев их рядом. Калека и полноценная... Что там, просто красивая девушка. В библиотеке Бауманской даже книжка есть, где сюжет про них двоих – горбун и красавица. Кончалась та книжная история плохо для обоих, а Димка такого финала не хотел. А она ведь пусть и сводная – но сестра... Какие пересуды будут...

Но сейчас никто не мог ему помешать быть с ней рядом. Беречь.

Димка вяло поерзал на обшитой деревом скамье, устраиваясь поудобнее.

Ну и ночь! Голова гудит, как рельсовые пути под бешено вращающимися колесами, тело словно чужое, а автомат того и гляди вывалится из ослабевших рук.

«Хрен вам! – с ожесточением подумал парень. – Не дождетесь!»

Этот перегон он вытерпит, чего бы это ему ни стоило...

Он ведь ее защитник.

Невольно вспомнилась давняя история из детства, вызвав едва заметную улыбку.

Щирк, щирк, щирк.

Пластиковые щетинки выдавшей виды щетки споро скребли по мрамору, шумно сгребая в кучу пыль и грязь, металлические опилки и стружку, обрывки промасленной ветоши и обломки испорченных деталей. Уборка выделенного участка близилась к концу, и Димка торопился закончить – опустевший после закончившейся смены, слабо освещенный цех пугал его. Ни одной живой души, только мальчишка и причудливые механизмы станков, чьи изломанные тени тянулись по полу, словно фигуры неведомых чудовищ. Обычно он работал в компании сверстников, но сегодня других мальчишек на приборку не прислали. А одному в огромном безлюдном помещении было так неуютно!

Когда под метлой образовалась приличная куча из всякого хлама, он взялся за совок, чтобы перебросить мусор в отведенный для этого ящик.

И испуганно замер.

Буквально в нескольких шагах, где-то за громоздким токарным станком, ему отчетливо слышались легкие торопливые шаги, которые, впрочем, тут же затихли. Или большая крыса, или... или...

В воображении сразу зашевелились, мерзко изгибаясь и шипя, самые разнообразные мутанты из повседневных баек, которые взрослые любили рассказывать на досуге, а дети – слушать, замирая от восторженного страха.

Первый же порыв – сбегать за охранником, который присматривал за входом в цех, – у мальчишки тут же угас. Сегодня там дежурил желчный ворчливый старик Гришин, объяснений на пальцах категорически не принимавший. Просто пошлет немного куда подальше, вот и вся тебе помощь. Как же плохо, когда не умеешь говорить!..

Димка перехватил легкую, почти невесомую ручку щетки покрепче, набираясь решимости выяснить источник звуков самостоятельно. Алюминиевая трубка, из которой она была сделана, мало подходила в качестве оружия, но ничего лучше сейчас не найдешь. Может, совок швырнуть для остротки? Вон он какой, здоровенный и тяжелый. Грохоту будет – любая крыса сбежит! Хорошая идея, только крысы, может, и сбегут, а вот дед Гришин придет, чтобы намылить шею за беспричинный шум. Димке заранее стало стыдно за то, что он еще не сделал.

Может, действительно просто почудилось?

Выставив перед собой щетку, Димка набрался храбрости и потихонечку, мелкими шажками, затаив дыхание, начал обходить токарный станок вокруг... и обнаружил собственную сестренку. Пятилетняя Натка сидела за станиной на корточках, спрятавшись в тени. Прижав сжатые кулачки к перемазаным цеховой грязью щекам, она смотрела на брата и метлу в его руках не менее испуганным взглядом, чем у самого мальчишки. Когда Димка уходил на смену, девчушка оставалась с отцом – тот сидел за столом и разбирался с какими-то важными записями в большой тетради. Видно, недосмотрел, и шустрая дочурка отправилась шастать по станции за старшим братом. Да и старик Прохор, похоже, дрых, раз пропустил ребенка. За такое Сотников охранника точно по головке не погладит, и возраст не поможет.

«Вот щас как дам по башке, чтобы не шлялась где попало!» – сердито подумал Димка, для виду замахнувшись метлой.

– Ааааай! – тонко взвизгнув, Натка торопливо отбежала, а затем, вспомнив, что она важная персона, остановилась, уперла кулачки в бока и надула щеки.

– Тебе низ-зя, – девочка, явно копируя манеры взрослых, важно покачала головой с торчащими в стороны короткими косичками.

«Это почему же?»

Немой вопрос отразился на лице мальчишки. Натка давно научилась понимать его без слов, интуитивно, как часто умеют дети.

– Папка сказал, фто ты мой заситник. А заситники не обижают. Плавда?

Димка был другого мнения. Насупившись, он отставил метлу, ухватил малолетку за крошечную ладошку и потащил к выходу из цеха, радуясь, что появился уважительный повод убратся отсюда пораньше. «Вот же егоза! Мало того, что отец ей и так все свое время уделяет, про него, Димку, совсем забыл, так еще и ему с ней возиться приходится. Противная девчонка!»

– Отпусти! – тут же возмутилась Натка, пытаясь выдрать руку. – Отпусти-отпусти-отпусти!

Они проходили мимо штабеля из ящиков, выстроенных вдоль кирпичной стены, забравшей пространство между пилонами. Материалы, инструменты, да и просто разное барахло, которое еще потенциально могло на что-то пригодиться. И когда Натка особенно сильно дернула брата за руку, он зацепился плечом за острый выступ одного из ящиков, на который сверху было навалено еще не меньше десяти.

Видимо, этот ящик давно собирался развалиться, не в силах удерживать на себе тяжесть вышележащих собратьев. То, что Димка его задел, просто послужило последней каплей. С сухим треском лопнули боковые дощечки, щепки брызнули, словно шрапнель. Вся груда с угрожающим гулом накренилась, и ящики с грохотом посыпались на пол, заваливая проход между станками, по которому шли дети.

Димка попытался отпрыгнуть, выдернуть Натку с опасного места, но волна ящиков накрыла их с головой, сбила с ног, придавила, похоронив под собой...

Когда в ушах перестало звенеть, а в глазах погасли искры, Димка осторожно поднял голову, чтобы осмотреться, чувствуя, как по лбу бежит струйка крови из глубокой ссадины.

Груда ящиков наглухо вжала детей в свободное пространство под станок, только это их и спасло. Страшно болела спина, саднили ободранные руки и плечи. Ощувив, что все еще держит маленькую теплую ладошку девчушки в своей, Димка встrepенулся и повернул голову, пытаясь отыскать сестренку взглядом. И сразу наткнулся на испуганно блестящие глазенки Натки, лежавшей совсем рядом, словно смятая кукла в окончательно измазанном платице. Как только их взгляды встретились, она так простодушно и доверчиво улыбнулась, что боль, ошеломление, злость – все это растворилась без следа. Девчушка явно не пострадала серьезно – Димка инстинктивно принял основной удар ящиков на себя. Но все равно он не выпускал руку Натки до тех пор, пока сбежавшиеся на шум взрослые не вызволили их из плена.

Это чувство – чувство ответственности за ее жизнь осталось с ним на всю жизнь.

Глава 6. Странности продолжаютя

– Подъем, боец!

Димка вздрогнул от насмешливого голоса Федора, прозвучавшего прямо над ухом, и распахнул глаза, растерянно озираясь. Лязгнули сцепки тормозов мотовоза, инерция торможения дернула инстинктивно напрягшееся тело вбок, и транспорт остановился. Движок заглох.

Они прибыли на Курскую-радиальную.

Избыточная охрана перегона силами Бауманского Альянса – весомый аргумент против любой нечисти или нежелательных гостей, способных проникнуть сюда из темноты туннелей. Но осторожные ганзейцы все же поставили блокпосты по обе стороны своей станции – на глубине двадцати метров в туннелях, там, где заканчивались используемые подсобные помещения. Да и по перрону прохаживались патрульные в серой пятнистой форме с короткими автоматами, внимательно следя за порядком.

Вот и сейчас двое патрульных, видимо специально предупрежденные и поджидавшие именно их, сразу направились к прибывшим.

– На, держи свою пукалку, – Федор всунул автомат в руки парню. – И скажи спасибо, что уберег тебя от потери ценного имущества, пока ты дрых без задних ног.

– Мог бы и раньше разбудить.

– А зачем? Спокойно все прошло.

Спрыгнув на пути, Димка обернулся и растерянно смотрел, как Каданцев помогает сойти с мотовоза сестре. Он проспал. Позорно проспал весь перегон, хотя собирался не смыкать глаз. Стыдно-то как... Лучше бы ему запретили ехать, чем такое... С другой стороны, ничего ведь не случилось. Добрались благополучно. Так стоит ли себя есть поедом из-за любой ерунды?

На станции как раз в этот момент наступило утро – ровно в шесть, через минуту после их прибытия, ослепительно вспыхнули потолочные светильники, моментально разогнав тьму по углам. Ганзейцы всегда жили расточительно, и даже многие радиальные станции, примыкающие к главному транспортному кольцу, освещались весьма прилично. От яркого света в глазах Димки, не успевшего вовремя опустить взгляд, поплыли разноцветные пятна. Он зажмурился, стараясь уберечь глаза.

Каданцев, коротко переговорив с патрульными, сдал мотовоз под расписку. За год работы, перебивав здесь несчетное число раз, Димка хорошо знал в лицо как руководство станции, так и патрульных – эти парни не оказались исключением. Значит, все шло по накатанной колее, все было спокойно. Кроме одного. Несмотря на смятение в душе, Димка не смог не заметить, что поведение Наташи не изменилось в лучшую сторону. Она его не замечала. Впрочем, справедливости ради, девушке, похоже, вообще ни до кого не было дела. Взгляд опущен, светлые волосы встрепаны, лицо выглядит бледным и осунувшимся. Все еще никак не может проснуться?

– Проверьте имущество, идем к гостевым палаткам. Дмитрий, как самочувствие? Как рука?

– Я в порядке, Альберт Георгиевич, – машинально ответил Димка, даже не особо прислушиваясь к внутренним ощущениям, – голова сейчас была занята беспокойными мыслями о сестре.

– Идите за мной.

Коротко кивнув, Каданцев как-то бережно похлопывал Наташку за плечи, словно девушка вдруг превратилась в стеклянную фигурку, которая, не дай бог, упадет и разобьется. Зябко кутаясь в старенькую кожаную курточку, она послушно шла, направляемая твердой рукой, к лестнице, ведущей с путей на перрон.

Тревога острыми коготками царапнула душу. «Да что происходит, в конце концов?!»

– Вещи забирай, парень, не задерживай движение, – буркнул один из патрульных, принявших мотовоз.

Димка с внезапно вспыхнувшим раздражением резко сорвал с площадки мотовоза рюкзак, поравнялся с поджидавшим его Федором, и они вместе двинули за Каданцевым. Но всего через несколько шагов какое-то невнятное чувство заставило парня оглянуться, бросив рассеянный взгляд на перрон. Димка замедлил шаг, пытаясь понять, что его остановило. Привычные взгляды ряды ветхих палаток в северной части перрона, нарастающий гул голосов – народ просыпался, начинал заниматься утренними делами. Любители почаявничать уже выстраивались в очередь за кипятком к кухонному блоку, который располагался сразу за жилым сектором, – оттуда даже на пути тянуло уютным дровяным дымком. Многие тащили тюки и баулы к южной части, где по давно заведенному порядку располагался местный рынок, а самые бойкие уже устанавливали столики или ящики, приспособленные под прилавки, и раскладывали товар.

А кто-то, не обращая внимания на суету вокруг, просто курил, прислонившись к пилону сзади палаток. Вон как тот низенький, плотно сбитый тип, судя по серым в разводах куртке и брюках – ганзеец из патрульных или охранников. Димка задержал на нем взгляд. Лет сорок, короткая стрижка, аккуратные усы и борода. Выражение лица спокойное, даже безмятежное, черты разглажены. Вполне возможно, курит какую-то расслабляющую дурь. Этого человека он не знал, хотя до сих пор полагал, что знаком со всеми охранниками Курской. Впрочем, мало ли какие кадровые перестановки происходят между двумя смежными станциями? Может, чем-то проштрафился, вот и поставили сюда, на радиальную.

Стоило Димке задержать на нем внимание, и незнакомец тут же посмотрел в его сторону. Парень вздрогнул, натолкнувшись на пристальный, оценивающий взгляд – взгляд абсолютно уверенного в своих силах человека, выполняющего некую важную работу.

– Димка, не отставай! – окликнул, оборачиваясь, Федор. – Опять спишь на ходу?

– Слушай, Федор... Там какой-то странный тип за нами наблюдает, – поделился тревогой Димка, догнав Федора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.